

Мэпатриция
Маккилли II

БАРДЫ
КОСТЯНОЙ РАВНИНЫ

Мастера магического реализма (АСТ)

Патриция Маккиллип

Барды Костяной равнины

«АСТ»

2010

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-44

Маккиллип П.

Барды Костяной равнины / П. Маккиллип — «АСТ»,
2010 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-108066-2

Заканчивая знаменитую Школу-на-Холме, каждый выпускник должен написать квалификационную научную работу. Фелан Кле выбрал темой для своей Костяную равнину – предмет непрекращающихся споров на протяжении вот уже девяти веков. Даже в школе, гордящейся духом истинного древнего искусства, равнина эта с ее тремя испытаниями, тремя сокровищами и тремя карами давно уже считается мифом. Исследования приводят Фелана к изучению жизни Найрна – легендарного Блуждающего Барда, Непрощенного, жившего и творившего во времена основания Школы. Но как связаны с ним отец Фелана и таинственный арфист, пришедший с севера? И какую силу способны разбудить лучшие музыканты всех земель, собравшись на состязание, победитель которого будет призван Первым Бардом королевства?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108066-2

© Маккиллип П., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Патриция Маккиллип

Барды Костяной равнины

Patricia McKillip

THE BARDS OF BONE PLAIN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств *Baror International, Inc.* и *Nova Littera SIA*.

В оформлении обложки использована иллюстрация *Кинуко Крафт*

© 2010 by Patricia A. McKillip

Cover illustration Copyright © 2010 by Kinuko Y. Craft

© Д. А. Старков, 2017, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Маккиллип – это первое имя, которое приходит на ум, когда меня спрашивают, кого я читаю сам и кого мог бы порекомендовать прочитать другим.

Питер С. Бигл

Некоторых авторов мы читаем из-за их персонажей и сюжетов, других – из-за красоты их языка. Пэт Маккиллип я читаю по обеим причинам.

Чарльз Де Линт

Прочитав много лет назад восхитительного «Мастера загадок», я не пропускал ни одной книги, написанной Патрицией Маккиллип. Чего и вам советую.

Гарт Никс

Глава первая

Отца Фелан отыскал у реки. Было тишайшее раннее утро. Волны прилива мягко плескались у подножья одного из огромных, изъеденных временем стоячих камней, возвышавшихся по обе стороны реки в таком беспорядке, что некоторые говорили, будто по ночам, когда луна на исходе, эти камни приходят в движение и бродят с места на место сами собой. Такова была одна из легенд, связанных с этими камнями. Вторая же сидела в пьяной полудреме за грудой обломков стены, устало рухнувшей на границе воды и суши.

– Я видел, как шли они на войну —
Камни Бека, камни Тарана,
Отважные камни Стирла.
Я пережил гнев их и ярость.
Я повесть о них вам принес.
Кто я?

Ответ на это Фелан знал: вне всяких сомнений, глубокий, прерывистый голос с ноткой беззаботной насмешки, отточенной так тонко, что того и гляди порежет, принадлежал Ионе Кле. Беззвучно вздохнув, Фелан двинулся на голос вдоль груды битого кирпича. Грязь под ногами чавкала на каждом шагу. Над рекой Стирл навис густой туман, долина безмолвствовала. Если бы не голос отца, Фелан вполне мог бы решить, будто в тумане нет ни души, и весь мир вернулся к началу времен.

– Кто здесь?

– Будто тебе дело есть, – откликнулся Фелан.

Из-за кучи негромко хмыкнули.

– О, Фелан. Прекрасно. Я издержался до последнего гроша.

Вскарабкавшись наверх, Фелан уселся на гребень груды обломков. Подошвы измазанных грязью сапог уперлись в камень вровень с головой отца. Иона поднял взгляд и криво улыбнулся сыну. Его приятное, изможденное, заросшее колючей щетиной лицо было бледно, веки воспалены, в длинных темных волосах запуталась скорлупа птичьих яиц, раковины улиток, мокрые перышки, отливающая перламутром рыба чешуя. Домотканый плащ с капюшоном, должно быть, украденный где-то в скитаниях, выглядел так, будто отец проспал в нем на прибрежной гальке, омываемый всеми приливами и отливами, не один день.

– У меня для тебя новость, – сказал Фелан.

– Как ты меня отыскал? – с любопытством спросил отец. – Ты всякий раз меня находишь!

– Может, по запаху... – Фелан выдернул из волос Ионы прутик и с хрустом разломил его надвое. – Никогда об этом не задумывался. Если уж приходится искать тебя, я предпочитаю покончить с этим как можно скорее.

– Денег она мне не передавала?

– Нет. Она хочет видеть тебя дома.

Отец закатил глаза и вопросительно сощурился, но Фелан только пожал плечами.

– Даже не спрашивай, зачем.

– Но зачем?

– А почему бы нет? У тебя есть дом. Выпить и дома можно.

Услышав его последние слова, Иона пошарил вокруг, нащупал горлышко разбитой бутылки, недовольно крикнул и отшвырнул его прочь.

– Не вижу надобности подвергать твою мать таким испытаниям.

– Так зачем же...

– Зачем я ей понадобился? Это так уж важно? – видя, что Фелан не собирается отвечать, отец потянулся к нему, поймал его грязный сапог и встряхнул. – Ты же знаешь зачем. Скажи!

– Нет, – непреклонно ответил Фелан.

– Ладно, а деньги у тебя есть?

Фелан не отвечал. Он отодвинулся от отца, перекинул ноги через гребень рухнувшей стены, склонился вперед и нахохлился, как сидевшие вдоль берега чайки. Сероглазый, светло-волосый, он и с виду напоминал одну из них. Подобно им, он устремил взгляд на воду в ожидании ряби, знака, указания пути. Вода говорила, негромко журчала, пенилась среди никчемного мусора, что вынесла на берег и разложила в грязи, будто бесценные сокровища. Пробуждавшийся бриз всколыхнул камыши. Вскоре он развеет туман, сотрет границы этого крохотного потаенного островка безвременья... Под его дуновением сквозь серую пелену уже отчетливо, явственно проступали очертания ближайшего из стоячих камней – тупого сливочно-желтого зуба в три человеческих роста высотой.

Фелан забормотал, почти не слыша собственного голоса:

– Я вижу приливы и вижу отливы. Меня знают птицы. Пришел я сюда с севера, из земли Но. Ищи меня у кромки моря. Я тут и там с тех времен, как положено слову начало. Кто я?

Отец фыркнул сквозь стиснутые зубы – возможно, сплюнув прилипшую к губе чешуйку, возможно, отпустив нечленораздельное замечание.

– Отвечай, – коротко сказал он.

Фелан беззвучно рассмеялся в непроницаемое лицо раннего утра.

– Сам отвечай, – негромко выдохнул он. – Скажи, кто ты. Скажи, как мне понять, зачем ты здесь – зачем сидишь в грязи и мусоре у берега реки на рассвете, среди безлюдных развалин?

Он подождал – без особых, впрочем, надежд. Туман ветшал, нити его редели, открывая взгляду проблески света, плывущую брюхом вверх дохлую рыбу, плоский бок еще одного стоячего камня, когда-то, в минувшие столетия, сошедшего с места и двинувшегося через реку. Вскоре утренний бриз развеял все надежды получить ответ. Фелан поднялся на ноги.

– Мне пора.

Иона вновь поднял на него взгляд. Глаза отца сузились, сверкнули от внезапной перемены освещения.

– А ведь мне это не понравится, не так ли? То, для чего я нужен ей дома?

– С этим вполне можно примириться, – устало сказал Фелан. – Зато примешь ванну, наполнишь карманы...

– А ты так и не скажешь?

– Ты же знаешь: не скажу.

– Одолжи мне...

– Нет.

Иона вновь улегся на спину и мелодичным, приятным голосом затянул, будто литанию:

– Упрямый, свиномордый, строптивый, жестокосердный, безжалостный, беспощадный...

– Знаю, знаю, – Фелан встал и прыгнул вниз. – В жизни не сомневался, что я – твой сын. Ладно, там увидимся.

– Где? – спросила куча камней.

Повернувшись к ней спиной, Фелан пересек заросшую сорной травой дорогу и едва не свалился в последнее прозрение отца.

«Из-за этой отцовской мании в городе скоро шагу некуда будет ступить», – мрачно подумал Фелан, едва удержав равновесие на краю ямы. Бросив взгляд вниз, в полумрак, он развернулся и двинулся по пустоши к мосту через Стирл.

На полпути через реку он выступил из промозглой мути тумана, серой воды и камня на простор изумительно яркого света.

Длинный открытый паромобиль, кативший навстречу, крякнул на Фелана клаксоном и выпустил в воздух струю пара. Увидев за рулем принцессу, Фелан помахал ей, но машина тут же исчезла в полосах тумана позади, увозя бригаду археологов к месту загадочного отцовского проекта. Оставалось только надеяться, что Иона не подвернется им под колеса. Другого движения по этому мосту – мосту к руинам воспоминаний, в царство заросших травой призраков далекого прошлого, давно исчезнувшего из памяти живых – не наблюдалось. Чем мог привлечь отца этот унылый клочок земли в сердце большого города? Этого Фелан и вообразить себе не мог.

Столица королевства, необозримый Кайрай, сверкавший под солнцем буйной радугой всевозможных оттенков мрамора, краски и кирпича, занимал собою половину огромной равнины по обе стороны реки Стирл. Вдоль пирса выстроились шеренгой торговые корабли – паруса убраны, машины безмолвны, грузчики деловито снуют по трапам вверх-вниз. Другие суда, следуя за отливом, двигались вниз по Стирлу к морю, поднимали паруса – яркие, неповторимые, будто крылья бабочек. Рыбачьи лодки, элегантные барки, быстрые юркие рыночные ялики скользили по речной глади от берега к берегу. На вершине единственного в городе холма высилась древняя школа – толстостенное здание, обнимавшее полуразрушенную башню, тянувшуюся вверх темно-серым мазком на фоне ярких стен более поздних столетий. Туда-то Фелан и направлялся.

По ту сторону моста начинались шумные людные улицы, и здесь он сел в трамвай-конку, идущий до школы на холме.

Мантию, книги и записи он держал в одном из дубовых шкафчиков, тянувшихся рядом вдоль стен профессорской – просторной комнаты в монументальном серо-розовом здании, выстроенном на деньги и названном в честь отца, Ионы Кле. Несколько прочих учеников-преподавателей тоже облачались в мантии, зевая и ворча по поводу раннего часа. Все они, как и Фелан, почти закончили годы учебы – им оставалось лишь овладеть последним предметом, прочесть один-два учебных курса да написать итоговую исследовательскую статью, после чего они смогут выйти в свет и назвать себя бардами. Их мантии, надеваемые поверх одежды, все еще были ученическими – зелеными с золотом. Однако, как мэтрам на практике, им дозволялось носить мантии небрежно, нараспашку, выставляя напоказ кожу, домотканые рубахи, шелка и парчу – порой засаленные и потрепанные не меньше, чем их владельцы.

Роясь в бумагах и книгах, Фелан услышал собственное имя и рассеянно оглянулся.

– Ты уже выбрал тему итоговой работы? – спросил подошедший юноша. Он был превосходным музыкантом, потрясая старательным и прилежным во всем, кроме того, что не относилось к музыке. – Я ненавижу историю. Ненавижу чтение. А превыше всего ненавижу писать. Просто в голову не приходит мысли, ради которой я смог бы дни напролет сидеть за столом с пером в руке и выводить бесконечные фразы, которых не прочтет никто, кроме одного-двух мэтров – и то лишь по обязанности. О чем будешь писать ты? Ты уже выбрал?

Фелан пожал плечами.

– О чем-нибудь простеньком. Лишь бы с учебой покончить.

– А о чем это – о простеньком? – умоляюще спросил юноша. – Скажи же!

– О стоячих камнях.

– О камнях Кайрая? – вмешался в разговор еще один из коллег. – Уже было. Как минимум раз в десятилетие за последние пять сотен лет. Что о них можно сказать нового?

– Как знать. Да и кому до этого дело? И, кстати, Кайрай ни при чем. Я исследую стоячие камни Костяной равнины.

Мрачная девица, учившая начинающих нотной грамоте, застонала.

– Дважды в десятилетие за последние пять сотен лет.

– Прямо как отец, – улыбнулся Фелан. – Он сказал в точности то же самое, услышав, о чем я собираюсь писать. Но это проще всего: самое трудное уже сделано до меня, и думать над статьей не понадобится.

– Так ты еще и не начинал? – догадалась девица.

Фелан покачал головой. Последовала недолгая пауза.

– Как такое возможно? – резко спросила девица. – Такой поразительный дар – и так мало амбиций...

Зажав под мышкой бумаги и книги, Фелан запер шкафчик, одарил девицу очаровательной насмешливой улыбкой и отвернулся. Стоило ли объяснять, что вся его жизнь вплоть до сего момента шла по указке отца?

Фелан давно оставил попытки понять Иону. Довольно было и того, что отец решил его судьбу еще в пять лет, без всякой жалости отдав в Школу-на-Холме, пообещав сыну свободу и богатство, если тот осилит многолетний учебный курс до конца. И вот, после всех этих лет, до конца осталась какая-то пара шагов: прочесть еще один скучный учебный курс да написать итоговую работу. Сто раз он был на грани ухода из этой школы – и сто раз предпочел остаться. И всякий раз самой убедительной из причин – куда более привлекательной и веской, чем все отцовские посулы – оказывалась мысль о том, что, поступая, как велит Иона, он сумеет разгадать хитросплетения отцовского сознания и наконец-то научится понимать его.

Однако некоторое время назад, как это ни горько, пришлось признать поражение. Теперь Фелану хотелось только одного: в последний раз выйти из Школы-на-Холме на улицы Кайрая и никогда больше туда не возвращаться.

Согласно традиции его уроки проходили в дубовой роще на вершине холма (по крайней мере в те дни, когда не было дождя). По мнению школьного эконома, в роще сменилось уже пять поколений дубов. Взглянув через лужайку, Фелан увидел, что ученики уже расселись под деревьями и ждут. Огромные золотистые ветви, способные притягивать молнии, с громом ломавшие их, укрывали землю густой паутиной теней – казалось, ученики, сидящие в траве, запутались в ней, сами того не ведая. Ветви, оброненные парой старейших дубов и ради создания нужного колорита не тронутые садовниками, покоились на земле, точно огромные заплесневелые кости.

Ученики в возрасте от двенадцати до пятнадцати миновали половину пути к окончанию нелегкой учебы. Все они сонно моргали, глядя на Фелана, уже вспомнившего, что он так и не успел позавтракать. Никто, включая учителя, не раскрывал книг и не пользовался пером и бумагой: этот урок шел по старинке, здесь требовалось упражнять память.

– Хорошо, – сказал Фелан, войдя в круг и опустившись в густую траву. – Доброе утро. Кто помнит, что мы пытаемся запомнить?

– «Загадки Корнита и Корната», – поспешил ответить круглолицый двенадцатилетний Джосс Куин.

– О чем они?

– О двух бардах, состязавшихся, чтоб поглядеть, кто из них станет придворным бардом короля Брете...

На этом Джосс замер с раскрытым ртом. Нить подхватила дочь королевского мажордома, Сабрина Пентон, опрятная, уверенная в себе девочка.

– Каждый пытался угадать тайное имя другого, задавая вопросы.

– Сколько вопросов?

– Сотня, – выдохнул старший из учеников, неутомимый Фрезер Вердж. – Тысяча. Как же это нужно было исполнять, чтобы все вокруг не уснуло, упав лицом в тарелки?

– Это была игра, – сказал Фелан, сделав паузу, чтоб подавить зевок. – А также урок истории. Вспомните порядок начальных букв каждой строки. Они составляют схему, помогающую памяти. Начнем. По кругу, по одной строке каждый, – он обвел учеников взглядом в поисках

тех, кто прячет глаза; самым неуверенным выглядел худенький белоголовый Валериан. – Валериан, ты первый.

Мальчик выдал свою строку без запинки. Строки затрещали, загудели по кругу, как шестерни часов. Мысли Фелана обратились вспять, к раннему утру. Конечно, отец послушается супругу и вернется домой, но кто знает, каким путем? Предстоявшее отцу празднование дня рождения определенно не сулило ему никакой радости. Что ж, по крайней мере, день рождения не его...

Внезапно слуха Фелана достиг шорох ветра в листве дубов и отдаленный шум города. Часы остановились, гул шестерней стих. Окинув быстрым взглядом круг учеников, он отыскал мечтательное лицо того, на кого в ожидании смотрели все остальные.

– Фрезер!

Мальчишка моргнул, возвращаясь с небес на землю.

– Прошу прощения. Я задумался.

– Мы ждем следующей строки.

Что там дальше? Может, «пэ»? Или «тэ»? Фелан и сам не мог вспомнить.

– «Вэ», – тихо шепнула Фрезеру Сабрина.

Память тут же распахнула двери, озарив лучом света и учителя, и ученика.

– Вверх ли стремишься ты в сумраке ночи, – без промедления продекламировал Фрезер, – вниз ли во свете дня?

Фелан сухо кашлянул, но воздержался от иных замечаний и перевел взгляд на темноволосяую, румяную, как земляничка, Эстасию – следующую в кругу. Та немедленно подхватила ритм:

– Уж не лоза ль ты, что обвивает пышный терновый куст?

– Для тех, кто успешно завершит многолетнюю учебу в нашей школе, – поспешно заговорил Фелан, едва ученики, запинаясь и мямля, добрались до последней загадки, – ответы станут очевидны. Чем больше вы будете знать о подобной древней поэзии, тем лучше поймете, что корень всей поэзии, и, таким образом, всех загадок, ведет к Трем Испытаниям Костяной равнины. Каковы есть?..

– Вьющаяся башня, – быстро сказал Фрезер, пытаясь загладить допущенную оплошность.

– И?..

– Неисчерпаемый котел, – ответил, блеснув очками, костлявый, длиннорукий, длинноногий Хинтон.

– И?..

– Вещий камень, – ответил лентяй Алерон, довольно смысленный, но неизменно предпочитающий вопросы попроще.

– Да. Итак, кто же из бардов в истории Бельдена прошел все три испытания?

Вновь наступила тишина. Сухой дубовый лист, подхваченный весенним ветром, бешено затрепетал, сорвался с ветки и полетел прочь.

Молчание затянулось.

– Вас со всех сторон окружают музы, – напомнил Фелан ученикам. – Советники, помогающие запоминать и творить. Солнце, ветер, земля, вода, камень, дерево. Все они говорят языком бардов. Языком поэзии.

Дубовый лист летел над травой к кольцу стоячих камней на вершине взгорка у реки, кружась в танце, начавшемся задолго до того, как Бельден обрел свое имя.

– А где именно, – внезапно спросил Фрезер, – находится Костяная равнина? Может быть, прямо у нас под ногами?

– Возможно, – ответил Фелан, цитируя собственное исследование. – Однозначных и недвусмысленных указаний на некое определенное место не найдено до сих пор. Вероятнее всего, она существовала только в мире поэзии. А может, преобразилась в стихи из некоего реального, вполне прозаического события, которое имел возможность пережить смертный

бард. Как известно, говорящих камней и котлов с неисчерпаемым запасом жаркого вне пределов поэзии не существует. Так помнишь ли ты барда, прошедшего все испытания?

Фрезер покачал головой.

– Найрн? – наугад предположил он.

– Нет. Не Найрн. Найрн был великим бардом, но не сумел выдержать и простейшего из испытаний – Испытания неисчерпаемым котлом. То есть испытания чего? Кто ответит?

– Испытания любви, великодушия и вдохновения, – ответила Сабрина.

– И таким образом обрел бессмертие, но утратил вдохновение. Не тот пример, коему стоит последовать.

– Так где же он? – спросил Фрезер.

– Кто?

– Найрн. Вы сказали, он обрел бессмертие.

Во вновь наступившей тишине учитель пристально взглянул в возбужденное, растерянное, по-волчьи скуластое лицо ученика в обрамлении длинных золотистых волос.

– Куда сегодня девался твой разум? – с легким удивлением сказал Фелан. – Похоже, заплутал вместе с Найрном в тумане поэзии. Между строк. Да, некогда Найрн действительно существовал, что подтверждается историческими документами, но неумолимые законы устного творчества, требующие жертв, преобразили его из истории в поэзию.

– Но...

– В поучительную сказку.

Но Фрезер не сдавался.

– О чем? Я совсем запутался. Зачем слагать поучительную сказку об иллюзиях, если Костяная равнина иллюзорна? А если нет, то где искать ту башню, что предлагает одно из трех – умереть, лишиться разума или стать поэтом? Я хочу сделаться бардом. Величайшим из бардов, каких когда-либо знал Бельден. Должен ли я для этого войти в эту башню? В эту метафору?

– Нет, – со всей серьезностью ответил Фелан, сдерживая рвущийся наружу смех. – Таких требований наша школа не предъявляет. Равно как и их величества короли Бельдена. Если хочешь, можешь поискать эту башню. Или эту метафору. Однако в данный момент я предпочел бы услышать ответ на свой вопрос.

Но Фрезер лишь молча глядел на него, упрямо сжав губы. Фелан обвел взглядом остальных.

– Кто ответит?

– Бард Сили? – робко предположил тихий, выросший в деревне Валериан.

– Интересная мысль, но нет. Он, в благоразумии своем, даже и не пытался. – Фелан помолчал, выжидая. – Никто не может сказать? Вы же прекрасно это знаете. В вашем расстройстве вся история и вся поэзия, необходимая, чтобы найти ответ. Раскройте же эту тайну к нашей следующей встрече. Все перед вами – и ткань, и нить. Найдите ее и следуйте ей.

Ученики встали и разошлись – все, кроме Фрезера. Повернувшись, чтобы идти, Фелан едва не споткнулся о него.

– У меня еще вопрос, – упрямо сказал мальчишка.

Фелан слегка пожал плечами и снова опустился в траву. Непомерные амбиции Фрезера просто-таки пугали, и Фелан, чьи амбиции не простирались далее завтрака, возблагодарил судьбу, счастливо уберегшую его от подобной одержимости.

– Посмотрим, смогу ли я ответить.

– Я в этой школе семь лет. С тех пор, как мне исполнилось восемь. Вы – почти мэтр, и, значит, уже должны это знать. Сколько лет нужно учиться, чтобы нам наконец раскрыли секреты искусства бардов?

Фелан раскрыл рот, не сразу найдясь с ответом.

– Э-э... Какие секреты?

– Вы же знаете, – убежденно выпалил Фрезер. – Те, что там. В каждом из древних преданий, между строк каждой баллады. Волшебство. Сила, кроющаяся в словах. Скрывающаяся за ними. Уж вы-то должны знать, о чем я. Мне нужно овладеть ею. Когда же меня этому научат?

Фелан молчал, изумленно глядя на него.

– Понятия не имею, – наконец ответил он. – Меня никто не учил ничему подобному.

– Ясно, – не отводя упрямого взгляда от учителя, сказал Фрезер. – Я еще не дорос...

– Нет-нет...

– Вы завершили учебу. Все говорят, вы – гений. Можете отправиться, куда захотите, и вас охотно примут при любом дворе. Вас выучили всему на свете. Если уж не можете сказать, значит, не можете. Значит, еще рано. Я подожду.

Казалось, он так и останется ждать здесь, под дубом, и с места не сдвинется, пока кто-нибудь не придет просветить его. Фелан сдался первым. Он поднялся и немного помолчал, глядя в юное лицо, исполненное дикого, звериного упорства.

– Если подобные секреты и существуют, – в конце концов сказал он, – мне о них никто не рассказывал. Возможно, их, как и ту самую башню, нужно искать самому. Возможно, раскрыть их под силу только тому, кто осознал, что они существуют. Я же лишен способности видеть их. Потому-то никто и не учил меня подобным вещам.

Еще несколько мгновений Фрезер сидел неподвижно. Лицо его мало-помалу разгладилось, недоверие во взгляде сменилось искоркой изумления – он удивлялся и Фелану, и себе самому.

– Может, и так, – неуверенно согласился он, поднимаясь на ноги. – Я думал, уж если кто-нибудь знает, так это вы.

Напоследок окинув Фелана озадаченным взглядом, он наконец ушел. Нимало не смущенный, Фелан направился в профессорскую трапезную – подкрепиться перед тем, как просидеть несколько часов в архивах библиотеки в поисках способа сказать то же самое, что говорили до него дважды в десятилетие за последние пять сотен лет, только иными словами.

В голове зазвучали глумливые замечания Ионы – включая те, которых тот и не высказывал. Проигнорировав их все, как и многие прочие, Фелан вошел в древнейшее из школьных зданий, под сень полуразрушенной башни. Настало время разжиться чем-нибудь на завтрак.

Глава вторая

Благодаря сотням стихов, баллад и былин, созданным поэтами за тысячу лет, все мы знаем Найрна – Найрна Бродягу, Дурачка, Проклятого, Непрощенного, Неприкаянного – весьма и весьма коротко. Нам известны его приключения, его любовь, его поражение, его отчаянье. Самые интимные из его страстей и мук исследованы до мельчайших подробностей. Упоминания о нем можно встретить в любом наугад взятом столетии, и всякий раз его вид, одежда и нрав шагают в ногу со временем. Даже сейчас, вдохновляя поэтов на новые сказания о своей любви и утрате, о своих нескончаемых поисках смерти, он говорит голосом нашего современника. Его испытания становятся нашими и одновременно остаются чужими: все мы стремимся избежать его судьбы столь же искренне, сколь восхищаемся ею.

Однако о человеке, сокрытом за поэтическим образом, за стихами и музыкой, о том, чья тень дотянулась до наших дней через тысячу и даже более лет, мы знаем поразительно мало.

Впервые он упоминается в архивах деревни Хартсхорн как сын крестьянина, рожденный в суровых дебрях северного Бельдена, известных в те времена под названием Приграничья, в царствование Анстана, последнего из королей той страны. Таким образом, его рождение документально подтверждено. Исследуя период от его рождения до следующей подтвержденной документами жизненной вехи, мы можем полагаться лишь на более поздние баллады, в коих он получает детское прозвище «Свинопевец» за изумительный голос, который он часто упражнял, ухаживая за отцовским стадом свиней. Согласно более грубой версии, предлагаемой «Балладой о Найрне Неприкаянном», старики нередко забрасывали его свиным дерьмом за обыкновение сидеть на ограде загон для свиней и петь, забывая о работе по хозяйству. Как воспринимали свиньи его талант, его удивительный голос и выдающуюся память? Этого не зафиксировано нигде – нигде вне рамок поэзии. В раннем возрасте (и, по-видимому, не без веских причин) он исчезает из деревенской жизни и уходит в фольклор, чтобы вновь объявиться в истории около дюжины лет спустя, в таверне на краю Северного моря, откуда был забран на военную службу в качестве полкового барда и отправился в сражение, навсегда покончившее с владычеством короля Анстана. То была Битва при Уэльде.

*Темен его волос, а глаз темней того,
Слаще сливок с медом его голос.
О, его очарованье! О, его дразнящий зов!
Он и у луны бы выманил улыбку.*

*Неизвестный автор.
Из «Баллады о Свинопевце»*

Найрн был младшим из семи сыновей. Нелегкая им всем досталась доля – едва ли не ногтями выскребать пропитание из скупой каменистой почвы среди гор южных Приграничий. Танцевать он выучился с малолетства: прочь от этой ноги, от этого локтя, от этой мясистой ручищи, от бесшабашных копыт, от клюва злобного гуся... После его рождения мать уселась у кухонного очага и словно приросла к нему навсегда. От нее-то Найрн и слышал первые в жизни песни, когда обезумевший дом пустел, и он наконец-то мог расслышать хоть что-то, кроме воплей, хохота и грохота тяжелых башмаков братьев да хриплых, отрывистых окриков отца, на время обрывавших их галдеж, точно удар обухом топора о дно железного котла. Найрн тогда был столь мал, что слушал песни матери, припав к ее груди. Ее высокий чистый голос сплетал слово и звук воедино, в нечто такое, чего нельзя увидеть, пощупать, попробовать на вкус, а можно только почувствовать сердцем.

Позже, когда Найрн выучился различать слова в сказках и пить из кружки, матери не стало, и он остался один в буйной толпе огромных, нескладных братцев, будто котенок в стаде коров – знай уворачивайся от хвостов да копыт! Готовить еду и латать одежду для всей оравы явилась женщина, круглая, как полная луна, с большущими, сильными – такими же, как у братьев – руками. Порой она тоже пела. Ее громкий сиплый голос был полон тайн, странных огоньков и теней, будто летняя ночь. Ее пение завораживало, Найрн замирал без движения, без звука, с головы до пят обращаясь в слух, вбирая ее секреты всем телом. Видя это, она смеялась и нередко совала в его грязную ручонку что-нибудь съестное. А еще она отвешивала оплеухи братцам, хихикавшим над ним, и при этом ее крепкий кулак не всегда оказывался пуст. Пришлось и им учиться плясать, уворачиваясь от мясницких ножей и увесистых половников. Однажды, вот так же околдованный, Найрн вдруг раскрыл рот, и из горла его вырвалась на волю собственная песня.

Расплата оказалась хуже, чем в тот раз, когда братья застали его ночью посреди скотного двора за попытками выловить из лужи луну. Гораздо хуже, чем когда его застигали за попытками разговаривать с воронами или барабанить по маслобойке деревянными башмаками матери. На этот раз ему пришлось стоять в навозе посреди загона и петь свиньям, пока братцы бились об заклад, какая из свиней первой сойдет с ног. Тут ему мало-помалу начало приходить в голову, что братцы видят мир как-то не так. И со слухом у них не очень. А вот свиньям, похоже, нравилось его пение. Они столпились вокруг, негромко похрюкивая, а братья гоготали так, что даже не заметили отца, выскочившего из дому взглянуть, что здесь за шум, пока он не подошел сзади и не сбросил с ограда загона в навоз всех, до кого смог дотянуться. Упал и Найрн, сбитый с ног и втоптаный в навозную жижу переполошившимися свиньями. Отец поднял его, вонючего, задыхающегося, за ворот и швырнул в корыто с водой.

– Пора тебе делом заняться, Свинопевец, – без церемоний сказал он Найрну. – Можешь петь свиньям все, что хочешь. Теперь они – твоя забота.

Так и случилось. И года не прошло, как его голос, звеневший из-за кустов и из дубовых рощ, начал привлекать внимание прохожих крестьян, а однажды привлек даже бродячего менестреля. Он-то и показал Найрну инструменты, что носил на поясе и на ремне, перекинутом через плечо.

– Ступай за луной, – посоветовал он мальчику. – Пой ей, и она озарит твой путь. На свете ведь есть места, куда ты мог бы пойти учиться. Или ты этого не знал?

Найрн, лишившийся дара речи, зачарованный звуками, исходящими из какой-то деревяшки да грубых жил столь же легко и просто, как его собственный голос из груди, ответить не смог. Тогда менестрель улыбнулся, вывел переливчатую трель на самой маленькой из своих свирелей и подал ее Найрну.

– Может, и не знал. Попробуй эту. Птицам понравится.

Затем, когда Найрн отыскал в свирели все ноты и научился выпускать их наружу так же легко, как собственный голос, на дороге показался фургончик. Внутри любезно болтали меж собою под ярким солнцем кастрюльки, сковороды, молоточки да клещи. Проезжий медник натянул поводья, остановив мула, и заглянул за дубы.

– Должно быть, ты и есть тот самый, кого люди зовут Свинопевцем, – сказал он худосочному чумазому мальчишке, игравшему на свирели в окружении роющихся в земле свиней. – Позволь мне послушать тебя.

Раньше Найрна никто об этом не просил. Удивленный, он на миг утратил голос, но тут же обрел его вновь и возвысил, запев первую из тех баллад, что пела ему мать. Дослушав ее до конца, медник швырнул в него чем-то. Привычный к таким вещам, Найрн увернулся. Колеса фургона покатались дальше, а Найрн увидел под ногами, среди дубовых листьев, отблеск света и поднял его.

Долго разглядывал он небольшой металлический кругляш с лицом на одной стороне и какими-то следами куриных лап на другой. В жизни отца такие штучки появлялись так же часто, как голубая луна¹, и исчезали так же быстро, но вот он сидит под дубом, держа в ладони свою собственную, полученную всего лишь за любимое дело!

Играя на свирели, он отвел свиней домой и ушел прочь из деревни, навстречу своей судьбе.

Год за годом он странствовал и забрел так далеко на север, как только мог. Вздумай он продолжать путь, пришлось бы прыгать в море и жить среди шелки². Где-то посреди долгого путешествия от убогого отцовского двора в южных Приграничьях к суровому морю, поющему голосами русалок и огромных китов, он и вырос. Тощий бездомный мальчишка, чей чистый голос мог бы заставить железную мотыгу гудеть в унисон, остался позади. Дюжину с лишком лет странствий он добывал пропитание, перебиваясь случайными заработками, воруя (если приходилось), пуская в ход обаяние (если подворачивался случай), отыскивал и осваивал новые инструменты, и слушал – постоянно слушал. Его шаг удлинился, лицо повзрослело, голос обрел глубину и силу, глаза и уши превратились в широкие двери, сквозь которые в голову сплошным потоком текли чудеса, а мозг трудился, как целый рой пчел, запоминая их все.

Пройдя по песку самого дальнего северного берега, он оставил позади цепочку следов, ставших за годы странствий намного шире, и остановился у воды. Набежавшая волна лизнула носки его сандалий и покатила назад, оставляя на нежном золотом песке причудливое кружево пены. Он сбросил заплечный мешок, арфу, одежды и, голый, побежал следом за ее убегающей песней.

Какое-то время спустя, вынырнув из мутной воды, он услышал вдали отголоски еще одной песни. То пели люди.

Одевшись, он пошел на звук.

Шум доносился из ветхой лачуги у берега моря: полдюжины крестьян и рыбаков, гремя по столу оловянными кружками, тянули балладу, которой он никогда не слышал. Он легко подыграл им на свирели, а еще через несколько песен взял в руки арфу. За это он был вознагражден первой в тот день пищей – элем, сыром и порцией жаркого из какой-то соленой, полной песка скользкой гадости, которую с великим трудом пришлось выскребать со дна миски, чтобы съесть до последней крошки.

Одноглазый трактирщик, расщедрившись, придвинул к нему еще порцию.

– Устрицы. Они жемчужины растят, – невразумительно пояснил он. – А ты, парень, откуда будешь?

– С юга, – ответил Найрн с набитым ртом.

– Издалека? – буркнул один из косматых людей за его спиной. – Издалека – с юга-то?

Почувствовав неладное, Найрн обернулся, кротко взглянул на него и ответил:

– Я просто бродил по свету. Никогда не покидал Приграничий. Где музыку слышу, туда и иду. Вот и сюда меня привела ваша песня.

Услышав это, все прыснули со смеху и вновь наполнили свои кружки и кружку Найрна за компанию.

– Старая песня, – сказал один. – Меня ей бабка выучила. И отец тоже пел ее, когда чинил сети. Значит, что творится к югу от Приграничий, ты не видал? – увидев выражение лица Найрна, он ненадолго умолк. – А, может, и не слышал?

Найрн покачал головой.

¹ Голубая луна – третье полнолуние в сезон, на который пришлось четыре полнолуния вместо трех. «Однажды при голубой луне» – английское выражение, означающее «крайне редко, либо никогда».

² Шелки (селки) – мифический морской народ из шотландского и ирландского фольклора, люди-тюлени.

– А что там?

– Война.

Найрн вновь покачал головой. О войнах он знал только из старых песен. Но вдруг, под скрип дощатой двери на ветру, под бесконечный буйный рокот прибоя снаружи, под треск огня внутри, каменные стены убогой лачуги показались ему хрупкими, будто яичная скорлупа. Оказывается, помимо огня, ветра и волн, следовало бояться чего-то еще. И этого чего-то может вовремя не заметить даже он, испугавший все Приграничья... Найрн слегка вздрогнул. Глядя на него, собравшиеся вокруг одного из двух обшарпанных трактирных столов закивали.

– Лучше тебе, парень, затаиться. Король будет собирать воинов для защиты Приграничий даже здесь, на дальнем севере.

– Я же менестрель. И нож ношу лишь затем, чтобы освежевать зайца на ужин или вырезать новую дудку для волынки. Не более.

– Ты сильный, здоровый мужчина о двух ногах, чтоб маршировать, о двух ушах, чтобы слышать приказы, и пальцев у тебя довольно, чтоб удержать меч или лук. Такие-то им и нужны.

– А что такое «волынка»? – спросил кто-то.

Найрн вынул инструмент из запячного мешка.

– Я слышал ее на холмах запада. Ее звуками там созывают кланы со склонов окрестных долин. Напевы могут быть разными, но звук любого из них способен сорвать с ястреба все перья до одного.

Он заиграл. Минуты не прошло, как все застонали, моля о пощаде. Он пригрозил продолжать до тех пор, пока они не споют ему еще. К концу вечера все сидели, привалившись друг к другу, и тихо подпевали его арфе. К Найрну, устроившемуся у огня и мечтательно подыгрывавшему пению темных волн, запутавшихся в лунных лучах, подошел трактирщик.

– Оставайся, – негромко предложил он. – Наверху, под стрехой, есть комнатка, где спала дочь, пока не вышла замуж. Я буду тебя кормить и монетку подбрасывать, когда смогу. И жаркого из устриц – сколько душа примет. Все лучше, чем бродяжить по королевству – в такие-то времена.

– Хорошо, – согласился Найрн. – Останусь на время.

«Время» оказалось короче, чем хотелось бы, но много приятнее, чем ожидалось – особенно после того, как Найрн познакомился с дочерью трактирщика, увидел ее глаза, серебристо-зеленые, как листья ив, услышал ее необычайно звучный грудной смех. Она пришла рано поутру и начала готовить пищу на день – хлеб, кастрюли похлебки и жаркого, баранину на вертеле. В ответ на темный, глубокий, полный желания взгляд она отвесила Найрну оплеуху, но миг спустя расхохоталась. Несколько дней после этого она поглядывала на него, когда думала, что он не заметит, но он чувствовал ее взгляды – короткие, любопытные, точно стук хрупкого клювика, пробивающегося наружу сквозь скорлупу яйца.

Однажды утром она явилась в предрасветный час и скользнула к нему под одеяло, на соломенный тюфяк на чердаке.

– Сам-то пошел в море с утренним отливом, – шепнула она. – А отец спит глухим ухом кверху. Только не прими это за что-то большее, чем оно есть на самом деле.

– Нет, – беззвучно выдохнул Найрн, пускаясь в новый путь, которому не было видно конца. – Конечно. Конечно, нет.

По вечерам он играл в трактире, дни же безраздельно принадлежали ему. Днем он странствовал по голым прибрежным пустошам в поисках крохотных каменных хижин, где жили пастухи и рыбаки, выпрашивал песни у беззубых стариков, гревшихся у очага, слушал ребенка, игравшего с плавником и ракушками, и мать, певшую, качая ногой колыбель и сбивая масло. Древние песни звучали в этих краях: его чуткое, ненасытное ухо улавливало в немудреных стихах отголоски преданий глубокой старины. Порой беззубые старцы с затуманенным взором, жмушщиеся к теплу очагов, рассказывали Найрну легенды о волшебстве и силе. Все это

истинная правда, уверяли они. Все это было на самом деле – давным-давно, в незапамятные времена... Дети учили его считалкам, девочки постарше показывали приворотные амулеты – связки крохотных раковин, высушенных цветов, прядей волос, перевязанных разноцветной пряжей – и рассказывали, где их закапывать и что при этом петь.

– Вот этот зарой в песок в самой середине Ведьминых Зубов. Сам увидишь – темные камни там, на берегу, похожие на клыки.

– А этот отдай в дар Камню Владычицы, когда взойдет полная луна.

– А этот сожги у подножья Камня Короля, на вершине холма напротив Камня Владычицы. Там, вокруг него, целое кострище – говорят, древнее, как сам камень. Сам посуди: сколько народу жгло там приворотные амулеты! Значит, это не просто сказки!

Найрн отыскал эти камни.

Пару раз он чувствовал, что они, эти огромные выщербленные осколки древних эпох, глубоко вогнанные в землю неведомой несгибаемой волей, наблюдают за ним. Он играл им, прислонясь к ним спиной, и видел все, что видели они, – восходящее солнце и восходящую луну, морские приливы и отливы. Они взирали на него с высоты, когда молодая мать, придя к нему со спящим младенцем, укладывала дитя в ямку, выстланную морской травой и плетями земляники, и кормила бродячего менестреля дикой земляникой из собственных губ. Они наблюдали...

Но длилось все это недолго – какие-то жалкие недели. Не успел никто из местных жителей бросить на сладкоголосого бродягу равнодушный взгляд или отозваться о нем без приязни, как в трактире, привлеченный песней, появился новый незнакомец.

Рыбаки, сгрудившиеся вокруг столов, взглянули на него с немалой толикой подозрения, но при нем не было оружия – только арфа в потертом узорчатом чехле тонкой кожи. Его простые одежды и плащ были украшены некогда яркой вышивкой, узкое лицо изборождено морщинами, рыжие волосы с сединой у висков острижены коротко и аккуратно, напоминая лисий мех. Странные глаза, золотые, будто у белой совы, первым делом устремились в сторону арфиста на скамье у очага. Затем незнакомец кивнул собравшимся, и те безмолвно кивнули в ответ, не зная, что и подумать о пришельце, внезапно появившемся в этой глуши неведомо за какой надобностью.

Однако он тут же заказал эля на всех, и общее мнение о нем переменялось, а языки малопомалу развязались. Говор его оказался странен, во фразах звучала непривычная напевность, но это легко объяснилось, стоило только спросить. Он родился не в Приграничьях, а в небольшом горном королевстве на юго-западе, король коего, как было известно всем, жил на высоком утесе с орлами, дабы присматривать с высоты за своей непокорной знатью.

– Зовут меня Деклан, – сказал он, – и я придворный бард лорда Окни из Гризхолда. Король Гризхолда прислал нам весть, что некий чужеземец вознамерился одолеть пять королевств и взять их под свою руку. Сей варвар, именующий себя королем Оро, поднялся с войском по реке Стирл и бросил вызов королю Стирла, чьи войска собрались на равнине по обе стороны реки. Жестока и ужасна была их битва. Мы слышали, воды Стирла покраснели от крови. Король Стирла сдался на милость победителя, и теперь тот обратил взор к западу от равнины, в сторону Гризхолда. Посему король Гризхолда отправил нескольких рыцарей, а в их числе и лорда Окни, к вашему королю Анстану и его знати, чтобы просить подмоги – оружием и людьми. С захватом равнины Стирл мы отрезаны от других королевств – от Уэверли и от Эстмера, да и сюда, на север, были вынуждены добираться вдоль суровых западных берегов. Если король Оро захватит и Гризхолд, он не остановится на сем. Он двинется на север, в Приграничья, и нанесет удар, пока позволяет погода.

– А я думал, король варваров уже сцепился с нами, – веско заметил один из рыбаков. – Что сейчас он как раз за холмами на рубежах Приграничий.

– Нет, – покачал головой бард. – Когда мы отправились в путь, он вел войско на Гризхолд. Край тот суров, а знать там непокорна. Быть может, он не падет пред ним так быстро, как равнинное королевство.

– А что же занесло тебя сюда, в такую даль, – спросил другой рыбак, – если твоему лорду Окни нужен король? Королевский двор – он там, на юге.

– Мой господин остановился в ваших западных горах, дабы испросить помощи кланов предгорий. Ну и странная же музыка в тех краях, – добавил он, немного помолчав. Все рассмеялись. – Меня же послал он сюда, на поиски великих и богатых дворов северного побережья, с тем, чтоб смягчить сердца местной знати моей музыкой и склонить их расщедриться, когда он приедет к ним с просьбами.

Это вызвало новый взрыв смеха, резкого и язвительного.

– Здесь ты мало что найдешь, кроме рыбацких деревень, – пояснил трактирщик.

– О-о...

– Но ты, конечно, явился сюда не один? Да, северяне щедры, но имеют так мало, что не утруждаются запирать двери. Стоит попросить, и они отдадут тебе самое лучшее – миску ухи да тюфяк из прелой соломы. Нет здесь ни войск, ни древней знати, кроме вон тех стоячих камней.

– И все же я пришел не напрасно, – улыбнулся Деклан. – Я слышал волынки горных кланов и охотно послушаю музыку, рожденную здесь, на самом краю света.

Теперь на него смотрели с любопытством – все недоверие исчезло, как не бывало.

– Еще один бродяга, – решил кто-то. – Как Найрн.

– Найрн?

Ему указали на юного арфиста.

– Вот он что угодно сыграет. Все Приграничья исходил и чего только не слышал!

Золотые глаза, блестящие, будто монеты, уставились на Найрна. Под их немигающим, бесстрастным взглядом Найрну стало не по себе: казалось, его мир покачнулся и раздвинулся в стороны, внезапно открыв перед ним такую картину, о существовании коей он и не подозревал. И это ощущение отдалось в памяти странным эхом: второй раз в жизни он всей душой возжелал того, чему даже не знал названия.

Деклан улыбнулся. Найрн тронул струны арфы, приветствуя его без слов. Пожилой бард шагнул к нему и сел на скамью рядом с ним.

– Сыграй же, – попросил Деклан. – Что-нибудь из песен моря.

Найрн покачал головой и наконец-то обрел голос:

– Сначала ты. Слушать меня здесь уже всем надоело – даже мне самому. Сыграй нам что-нибудь свое.

Собравшиеся согласно загудели. Деклан склонил голову и развязал чехол арфы.

Освобожденная от чехла, арфа тут же пустилась в пляс со светом. Неограниченные самоцветные камни, глубоко врезанные в дерево ее резонатора и рамы, засверкали в отблесках пламени, будто русалочки слезы – зеленые, голубые, красные, янтарные. Слушатели зашевелились, изумленно забормотали, но тут же умолкли: арфист заиграл медленную, звучную, изящную балладу. Подобного Найрн не слышал ни разу в жизни. Мелодия оставила в сердце внезапную острую боль: выходит, на свете есть безбрежный океан музыки, которой он прежде не знал и мог никогда не услышать! Он, бродяга, очаровывавший своими песнями свиней, натерший на пятках мозоли тверже дверных филенок, словно бы углядел вдали роскошный замок – высокие стены, яркие флаги, выходящие над величавыми башнями. Несомненно, внутри этих стен такая прекрасная, сложная музыка была привычна, как воздух. Но он-то стоял снаружи, не имея права войти и не зная, какими чарами, каким волшебством проложить себе путь к ней. Не игрой же на волынке!

Баллада подошла к концу. За столами молчали, не сводя взглядов с арфиста.

– Жалко, – наконец выдохнул один из рыбаков, имея в виду принцессу, сбежавшую босиком из замка на тайное свидание со своей истинной любовью, но лишь затем, чтобы найти возлюбленного мертвым в укромной беседке, с обручальным кольцом мужа во впадинке под горлом.

Новая пауза.

– Похоже на ту балладу, что поет моя жена, – заговорил другой. – Только там не про принцессу, а про морскую деву, и муж ее тоже из рожденных в море, а ее истинная любовь – смертный человек, утонувший в волнах и найденный на песке с черной жемчужиной под горлом.

В глазах Деклана вспыхнул прекрасно знакомый Найрну огонек.

– Пожалуйста, – сказал бард, – спой ее для меня.

– О, нет, – запротестовал говоривший, пытаясь укрыться за спинами друзей. – Как я могу? После тебя-то?

– Я спою с тобой, – не задумываясь, предложил Найрн. – Я ее знаю.

«Видал? – безмолвно сказали Деклану взгляды рыбаков, как только Найрн заиграл. – Наш-то каков! Все знает!»

Ближе к концу песню подхватили все. Грубые, как просоленная морем шерсть, голоса рыбаков что есть сил старались подражать глубокому, сильному, звучному голосу иноземного барда. Деклан слушал молча, сложив руки поверх арфы, поставленной на колено, почти не шевелясь. Быть может, только его дыхание и заставляло арфу едва уловимо покачиваться: камни на ней поблескивали в отсветах пламени, темнели и вновь вспыхивали искорками, притягивая взгляд Найрна, занятого игрой. Впервые в жизни он обнаружил какой-то прок в тех вещах, что знал лишь из песенных строк – золоте, самоцветах, сокровищах. Рожденный в нищете, он получил свою музыку даром, она стоила ему не дороже, чем воздух или вода. Теперь он понял: на свете есть и другая музыка, другие песни, а может, даже другие инструменты, скрытые там, куда нет хода тем, кто не имеет золота и не носит драгоценных камней.

Самоцветы – нежно-голубые, как небо, зеленые, как речной мох, огненно-красные – дразнили, притягивали взгляд, как ни старался Найрн выкинуть их из головы. В очередной раз взглянув на них, он встретился взглядом с Декланом, но глаза барда, блеснувшие над самоцветами, оказались безмолвны, непроницаемы, будто стена тумана. Да, в жизни Найрну доводилось красть, но лишь самое необходимое: яйца из курятника, плащ, оставленный сушиться на ветках кустов, пару сандалий, когда ноги выросли так, что башмаки стали тесны. То есть вещи, без которых никак не обойтись. А вот подобного с ним не бывало никогда. Ничего в жизни не желал он так безоглядно, всем сердцем, как завладеть этими камнями – бесполезными блестящими ленивыми созданиями, не приносящими никому ни малейшей пользы, а попросту выставившими напоказ свое богатство и красоту, сверкая на дереве арфы, чей звонкий, нежный голос даже не дрогнул бы, если бы они вдруг исчезли...

Тут Найрн услышал сквозь общий хор негромкий голос Деклана, обращенный к нему:

– Возьми же их. Если сумеешь.

Найрн вновь поднял взгляд на старого барда и вновь увидел его глаза – огромные, немигающие зрачки, блестящие металлом, будто не человеческие глаза, а монеты. Подобно самоцветам, сверкавшим на его арфе, они дразнили, манили к себе, бросали вызов.

Поспешно опустив взгляд, Найрн вложил каждую сыгранную ноту и каждое спетое слово в песнь вожеления и страсти, в балладу во славу музыки, которой никогда прежде не слышал и, скорее всего, никогда больше не услышит, во славу всех ее несметных сокровищ, укрытых, точно запретная любовь, за стенами без единого окна, внутри неприступных башен.

Тем временем баллада подошла к концу, но Найрн едва смог заметить это, всем сердцем горя о том, чему не суждено сбыться. Пальцы его замерли, в последний раз коснувшись струн, и он услышал тихий вздох углей и треск хвороста в очаге. Умолкли все, кроме огня, ветра да

моря. В конце концов Найрн шевельнулся и вдруг услышал, как что-то зазвенело о каменные плиты пола – раз, и другой, будто там, под ногами, настраивался сам собою какой-то неведомый древний инструмент.

Вновь тихий звон...

Опустив глаза, Найрн увидел, что самоцветы, будто слезы, один за другим катятся вниз с арфы Деклана и падают – падают прямо к его ногам!

Потрясенный, Найрн вскинул взгляд и обнаружил в глазах Деклана довольную, вполне человеческую улыбку. Тут и за столами зашевелились, переводя дух.

– Они идут на зов, – сказал бард. – Возьми их. Ты звал, и они пришли к тебе.

Все тело Найрна от затылка до пят покрылось гусиной кожей: крохотный образ нового мира, открывшегося перед ним, сделался шире, наполнившись бесчисленными вопросами.

– Кто ты такой? – прошептал он первый из них.

– Хороший вопрос.

Склонившись, бард собрал самоцветы и вложил их в руку Найрна. Трактирщик откашлялся и потянулся за глиняным кувшином, чтобы вновь наполнить их кружки.

Вдруг дверь распахнулась, будто под напором ветра. Найрн стиснул самоцветы в горсти так, что пальцам сделалось больно. Вошедших незнакомцев он узнал сразу: мечи, кольчуги, суровые, усталые, безжалостные лица... Будто и не заметив ни окоченевших рыбаков, ни устремленных на них желтых глаз старого барда, они тут же обратили все внимание к Найрну.

– Ты, – велел один из них. – Собирайся. С равнины Стирл на нас движется войско, и королю Анстану нужен походный барабан. И волынка, чтоб созывать кланы, если у тебя она есть.

Один из рыбаков, наконец, заговорил.

– Сдается мне, ты говорил, будто это войско идет на юг, в Гризхолд, – с недоумением сказал он Деклану.

– Что ж, я ошибся, – ответил тот, поднимаясь и убирая арфу в чехол.

К тому времени, как Найрн спустился с чердака со своими пожитками, золотоглазого и след простыл. Старый бард исчез, растворился в ненастной ночи.

Глава третья

По пути через Докерский мост Беатрис, дочь короля, управлявшая неуклюжим, пыхтящим на ходу паромобилем, едва не сбила Иону, возникшего из тумана прямо посреди дороги. Бригада археологов, ошетилившаяся всевозможными инструментами, будто булавочная подушечка булавками, хором вскрикнула. Беатрис изо всех сил вдавила педаль в пол, на мокрой мостовой паромобиль повело юзом, и машина, выпустив клуб пара, остановилась в каких-то дюймах от Ионы. Резиновый молоток, сорвавшийся с чьего-то пояса, продолжил полет, отскочил от капота и, точно по волшебству, приземлился прямо в поднятую ладонь Ионы.

Иона рассмеялся. Беатрис зажмурилась и вновь открыла глаза. С трудом разжав пальцы, стиснувшие руль, она криво улыбнулась дрожащими губами.

– Доброго утра, мэтр Кле.

– Доброго утра, принцесса.

– Простите. Этот туман... С вами все в порядке?

– Конечно. Того, что сможет убить меня, еще не изобрели.

Подойдя к борту паромобилия, он протянул рабочим пойманный молоток. Каррен принял свой инструмент. Щеки его в обрамлении огненно-рыжих волос побагровели, как свекла.

– Прошу прощения, мэтр Кле, – хрипло, по-простонародному растягивая гласные, сказал он. – Мне уж на миг показалось, что все мы остались без работы.

– Не позволите ли подвезти вас туда, куда вам нужно? – спросила Беатрис.

– Меня призывают домой, – с легким сарказмом сказал Иона, – вот только мне никак не приходит на ум, за какой такой надобностью.

– О, да. Мы только что встретили Фелана на мосту.

Принцесса сделала паузу и моргнула – видимо, ей пришла в голову какая-то мысль. Похоже, эта мысль не укрылась от пронизательных глаз Ионы, черневших, как небо в новолуние, на фоне изможденного лица, и он без ошибки прочел в ней, что уготовано ему судьбой.

– А вот вы это знаете, – ровно заметил он.

Принцесса кивнула и вновь криво улыбнулась – виновато и в то же время не без озорства.

– Да. Боюсь, это по поводу празднования дня рождения отца, – Беатрис сделала паузу, дожидаясь окончания долгого страдальческого стога. – Может, довести бригаду до раскопа, вернуться за вами и подбросить вас домой?

Иона провел по лицу ладонями, запустил пальцы в растрепанную шевелюру и вытащил из волос что-то вроде крохотной улитки.

– Благодарю вас, принцесса, – мрачно ответил он. – Уж лучше прогуляюсь. Не исключено, что по пути меня все-таки кто-нибудь переседет.

– Хорошо, мэтр Кле, – ответила она, переключая передачу. – Тогда увидимся на празднике.

Въехав в туман, она безошибочно отыскала дорогу к нужной яме среди безлюдной разоренной земли.

Иону Кле Беатрис знала всю свою жизнь. Музей, построенный им для найденных по всему городу диковин, с самого детства приводил ее в восхищение. Кайрайские древности, отреставрированные, отчищенные, снабженные ярлыками, бережно хранившиеся под стеклом неярко освещенных витрин, случайные предметы старины, точно след из хлебных крошек, вели ее в сказку – такую старую, что ее позабыли даже барды на холме. «Чей это кубок дутого стекла? – гадала она. – Чей бисерный пояс? Чей маленький медведь резной кости?» Конечно, у всех этих давно исчезнувших людей имелись имена, все они оставляли следы на земле и точно так же, как она сама, смотрели на звезды и любовались ими. Все это, вкупе с диковинным увлечением ямами, подземными ходами, забытыми дверями, обшарпанными, заросшими

травой калитками и изрытыми колеями проулками, поиском и исследованием маленьких тайн, не замечаемых никем другим, в конце концов превратилось в дело всей ее жизни. Изучением всего этого она и решила заняться отныне и впредь. Король, также захваченный откопанной Ионой историей, не находил причин запрещать дочери заниматься тем, что ей нравится. Трое старших детей в качестве потенциальных наследников позволяли допускать в требованиях к младшей дочери некоторую небрежность. Мать, в свою очередь, пришла к туманному заключению, что Беатрис прекратит лазать по ямам и рыться в грязи, стоит ей только по-настоящему полюбить.

Согласно собственным подсчетам, она влюблялась уже не раз и не два, но все это до сего дня не мешало ей, облачившись в жилет с множеством карманов под инструменты, следовать за бригадой копателей вниз, по дощатому трапу, на дно очередной причуды Ионы. Огромные обгорелые стены нависли над их головами со всех сторон, взирая на незваных гостей сквозь редующий туман пустыми глазами выбитых окон. Все они вряд ли могли быть древнее пары сотен лет, но Беатрис догадывалась: то, что может скрываться здесь, под наслоениями прошлого, должно иметь связь с камнями куда более древними – с монолитами среди развалин, тоже взиравшими на нее свысока.

Пока что в этом раскопе не обнаружилось почти ничего, кроме обломков водопроводных труб. С отливом вода отступила так далеко, что помпы не потребовались. Каррен на пару с гибким и жилистым Адрианом принялись осторожно рыхлить землю лопатами, а Беатрис с миниатюрной блондинкой Идой и голубоглазым Кэмпием, взявшись за более тонкие инструменты – совки и кисточки, начали просеивать разрыхленный грунт в поисках сокровищ. Просеянную землю ссыпали в корзины и поднимали наверх при помощи лебедки. До сих пор Иде удалось найти только простенькое серебряное колечко, вероятно, смытое когда-то в трубу, а Адриан откопал толстую кость, опознанную Карреном как бычью. Беатрис с Кэмпием двигались вдоль странной линии – вероятно, кирпичной каминной полки, а пока что лишь неясного выступа в стене, покрытого слежавшейся землей. Величайшей из находок Каррена оказалась россыпь осколков раковин трубачей – скорее остатки чьего-то обеда, чем свидетельство проникновения морской жизни в глубину равнины.

– Отчего именно здесь? – в один прекрасный миг задумался Каррен.

Весь потный после подъема наверх очередной корзины, он остановился передохнуть у подножия трапа, безучастно глядя вокруг. Ответа он и не ждал: поразительный и неизменно необъяснимый пророческий дар Ионы давным-давно сделался легендой.

Однако сейчас Беатрис решила, что вопрос вполне справедлив.

– Вокруг нас пять стоячих камней, – сказала она, смахивая с выступа очередную порцию земли прямо себе в лицо. – Мы – в самом центре.

– Они ведь бродят по ночам, – возразил Кэмпием. – Разве нет? Завтра встанут где-то еще. А мы так и останемся здесь, откапывать старые канализационные трубы.

– Не бесплатно же, – пожал плечами Адриан. – Вдобавок прославимся, если найдем золото, которое он подбросил сюда, чтоб поднять цены на здешнюю землю.

– Чтоб их поднять, никакого золота не нужно, – хмыкнул Каррен. – Они упали так низко, что хватит одного слуха. Одного этого слова.

– Какого? «Слух»?

– «Золото».

Они почти не слушали друг друга – просто перебрасывались словами, чтоб скоротать время. Судя по ярко-голубому небу наверху и лучам света, падавшим вниз через край раскопа, был почти полдень. Вскоре Беатрис предстояло ехать домой и превращаться в принцессу по случаю пятидесяти седьмого дня рождения отца. «А ведь там будет и Иона», – вспомнилось ей.

– Я спрошу его, – пообещала она. – Увижу на дне рождения отца и спрошу.

Молчание, воцарившееся вокруг, эту внезапную остановку движений и мыслей, можно было узнать сразу: все вспомнили, что среди них принцесса, переодевшаяся в парусиновый комбинезон, убравшая кудри под соломенную шляпу, с черными каемками грязи под ногтями. Все они учились вместе, и товарищи привыкли к ней много лет назад. Одно лишь сочетание несовместимых с виду деталей – Беатрис и их общий работодатель вместе, в замке, на празднике в честь дня рождения короля – еще могло застать их врасплох.

– А он ответит, как по-твоему? – заговорил Каррен, нарушив общее молчание. – Может, он и сам не знает. Что он такое ищет на дне всех этих ям по всему Кайраю? – «Или на дне бутылки». Конечно, этого он не добавил, однако эти слова слышали все. – Поговори и с Феланом заодно. Может, у него есть догадки.

Устало отвернувшись от выступа, Беатрис улыбнулась товарищам.

– Он никогда не говорил об этом. А я не знаю ни одного из них так близко, чтобы приставать с вопросами. Иона нам платит, мы находим разные разности. Рано или поздно.

Кэмпиион улыбнулся в ответ, и это значило, что Беатрис вновь стала одной из них.

– Неизбежно находим, – вздохнул он. – Находим настоящие чудеса. Но этого никогда не случается, если прежде как следует не пожалуешься на жизнь.

Общее настроение значительно поднялось после того, как лопата Каррена извлекла из земли медный диск. Находка, размером в половину его широкой ладони, позеленела от времени. На одной из ее сторон был отчеканен истертый профиль, а на другой – нечто, больше всего похожее на обломанные палочки. Небольшое ушко, присоединенное к диску над неведомо чьей головой, указывало на то, что некогда этот диск висел на цепочке или на кожаном шнурке. Все сгрудилось вокруг Каррена, бережно сметавшего с диска комочки земли.

– Мэтр Кле будет в восторге, – выдохнула Ида. – Ох, Каррен, ну и счастливчик же ты!

– Чье это лицо? – задумался вслух Кэмпиион. – Ни на одну из монет, что я видел, не похоже. Что это? Корона?

– Может быть, и монета, – с сомнением сказал Адриан. – Вот эти отметины могут означать стоимость. Но, судя по всему, он предназначался для ношения на груди.

– Руны, – проговорила Беатрис. Казалось, время в залитом солнцем раскопе остановилось при встрече с этим посланием из далекого прошлого. – Вот эти палочки...

– Нацарапано, как курица лапой, – заявил Каррен, как человек, близко знакомый с курами, перевернув диск и выставив на свет неглубокие бороздки.

– Ранняя письменность. Иногда – тайнопись, – сказала Беатрис, осторожно, будто опасаясь разбудить ее, коснувшись одной из палочек. – Интересно, что здесь написано.

– Это – любовное послание, – предположила Ида. – Вот это – портрет влюбленного. А здесь написано...

– Мое сердце – твое навеки, – продекламировал Адриан. – Приходи в дубовую рощу за кукурузным полем, и позволь доказать, как сильна моя любовь.

– И все это – в трех палочках, – удивился Каррен, вновь переворачивая диск вверх профилем.

Все вновь пригляделись к лицу, вычеканенному в меди.

– Нет, – решил Кэмпиион, – не залог любви. Взгляните, какой чудной подбородок.

– Любовь слепа, – возразила Ида.

– Только не моя.

– Кэмпиион, как ты романтичен, – пробормотала Беатрис. – И все же. Что-то здесь...

– Может, это не человек? – предложил свою догадку Каррен. – Может, птица? Вот это очень похоже на клюв, и это объясняет странный подбородок. То есть, его отсутствие.

– Да, только волос не объясняет.

– А волосы ли это?

– Думаешь, развевающийся хохолок?

– Это капюшон, – внезапно сказала Беатрис. – Подбородок скрыт под ним. Я видела этот профиль в музее мэтра Кле... – все выжидающе уставились на нее. – Вот только где?

– Спроси его, – просто сказал Каррен. – Сегодня же и спроси. Возьми эту штуку с собой...

– Нет, Каррен. Ты его нашел, тебе и демонстрировать...

– Не я, а лопата, – ухмыльнулся Каррен. – Все равно нам же всем интересно, а как знать, когда Иона вновь появится перед нами из того тумана, в котором будет блуждать, – с этими словами он вложил диск в ладонь Беатрис. – Конечно, ты можешь упомянуть мое имя.

Беатрис сунула диск в карман комбинезона и вскоре, переехав мост, высадила остальных дожидаться трамваев – кроме нее, управляться с машиной все равно никто не умел. Доехав до замка, она вверила паромобиль ревностному и бдительному попечению придворного шофера, когда-то учившего ее водить.

Выстроенный близ берега Стирла, через пару столетий после открытия Школы-на-Холме, замок Певерелл, названный в честь древней династии правителей Бельдена, был поначалу крепостью с толстыми стенами, узкими окнами и множеством башен. Бельденские земли были собраны воедино зубами, ногтями, мечом и стрелой после того, как неожиданный завоеватель по имени Оро, сбившийся с пути в поисках совсем другой земли, бросил якоря в тумане над устьем Стирла и вывел свое войско на берег. Его бард, Деклан, странствовавший по этим землям плечом к плечу с королем, увековечивая память о его славных победах со всеми приличествующими эпитетами и рифмами, просто влюбился в эту равнину. Оставив свой пост при дворе, он вернулся сюда и поселился в древней сторожевой башне на вершине холма, в окружении дубов и стоячих камней. Вскоре к башне начали стекаться будущие барды, желавшие перенять хоть толику его великого мастерства. Так появилась на свет Школа-на-Холме, выстроенная, чтобы давать кров ученикам и учителям в суровые зимы равнины. Меж тем правители Бельдена не спешили осесть на одном месте. Они кочевали по всему королевству, от одного двора к другому, периодически опустошая казну хозяев, дабы те не могли пустить эти деньги на снаряжение войска. Наконец в королевстве настал мир, и Ирион, седьмой из правивших Бельденом Певереллов, присмотрел место для собственного двора и выстроил замок у Стирла.

Тот изначальный замок давным-давно исчез под множеством наслоений изменчивой моды. Беатрис еще в детстве облазила его сверху донизу. Слуги вскоре привыкли сталкиваться с принцессой где угодно – в прачечной, за осмотром водопроводных труб; в кладовых дворцового, куда ее привела линия древней стены; в винном погребе, с перемазанным личиком и паутиной в волосах, в попытках отыскать за рядами бочек забытый дверной проем... Отец, король Люциан, поощрял интерес дочери, отыскивая для нее в библиотеке старые книги и карты, показывая потайные коридоры и подземелья, заложенные кирпичом и перестроенные под водопровод и канализацию. Во время официальных придворных торжеств она частенько находила его за беседами с мрачным человеком по имени Иона Кле, безупречным во всем, но неизменно выглядевшим так, будто он только что окунул голову в ведро с холодной водой. Их слова, блестящие таинственные отсылки к истории, к старинным балладам, к прошлому столь давнему, что и не вообразить, неизменно приводили ее обратно в отцовскую библиотеку. Неизвестно отчего – возможно, благодаря кстати заданному вопросу, или описанию малоизвестной детали, открытой ею самой, – ее мало-помалу начали охотно принимать в разговор.

«И вот, – с удивлением подумала Беатрис, вынув из кармана диск, чтобы горничная не унесла его вместе с грязной одеждой в стирку, – теперь я работаю на Иону Кле».

Вымытая в душе, причесанная, одетая, по собственному выражению, «марципаном» – в платье слащавых пастельных тонов, она снова сунула диск в карман. Тонкая юбка кремового шелка тут же обвисла, будто в карман опустили пушечное ядро. Диск пришлось вынуть, и фрейлина Беатрис с сомнением уставилась на него.

– Может, на ленту? – предложила Беатрис.

- Принцесса Беатрис, это обязательно?
- Да, обязательно. Иначе он отправится обратно в карман.
- Нет, это совершенно недопустимо.

Вынув из шкатулки с драгоценностями Беатрис тонкую золотую цепочку, фрейлина продела ее в ушко диска и застегнула на шее принцессы. Диск без какого-либо изящества повис прямо над нитью жемчуга. Обе – высокая, поджарая Беатрис со спокойными кобальтово-синими глазами на слегка присыпанном веснушками лице в обрамлении золотисто-русых волос и гибкая, изящная леди Энн Невэр, зеленоглазая обладательница роскошных блестящих черных волос и безупречного чувства стиля – вновь критически оглядели его.

– Нельзя ли спрятать его в туфельку? – с болью в голосе спросила фрейлина. – Он действительно ужасен.

- Ничего, – рассмеялась в ответ Беатрис. – Отец будет в восторге!

Однако у матери диск не вызвал ни малейшего восторга. Королева Гарриет, стоявшая рядом с королем и принимавшая гостей, не веря своим глазам, взглянула на него и смежила веки, чтобы не видеть ни диска, ни непутевой дочери. Да, Беатрис и сама понимала, что позеленевшая медь имеет явный оттенок плесени, а диск, висевший прямо над жемчужным ожерельем, вдобавок, был повернут наружу стороной с «куриными следами». Легкое и пышное платье для дневных приемов также сочеталось с ним не самым выгодным образом. Но королю до всего этого не было никакого дела.

- С днем рождения, отец, – сказала Беатрис, целуя его в щеку.
- Что это такое? – спросил он, не отрывая глаз от диска.
- Понятия не имею. Каррен откопал эту штуку сегодня утром.
- Надеюсь, это твой подарок к моему дню рождения?
- С радостью бы, но, думаю, этот жест должен сделать мэтр Кле.
- Его еще нет, – пробормотал король, поворачивая диск другой стороной. – Он не узнает.

Королева многозначительно кашлянула, указав взглядом на длинную очередь поздравителей, столь эффективно остановленную Беатрис. Принцесса поспешила освободить путь и присоединилась к группе родственников с приглашенными ими гостями, супругами и детьми.

– Привет, Беа! – Гарольд, старший сын и наследник престола, подал ей бокал шампанского с подноса проходившего мимо слуги. Он был высок, широк в кости и рыжеволос – живое напоминание о первобытных Певереллах, как выражался отец. – Снова раскапывала город? И даже носишь откопанное, как я погляжу? – он поднял бокал, салютуя последней из своих пассий, стоявшей об руку с ним. – Вы знакомы с леди Примулой Уиллоуби? Моя сестра, принцесса Беатрис.

– Да, конечно, – хором ответили Беатрис и леди Примула, улыбаясь во весь рот и, несомненно, одновременно недоумевая, где они могли встречаться. От леди Примулы с яблочно-розовыми щеками и шелковистыми волосами цвета кукурузы угрожающе веяло свежим сельским воздухом, в то время как Беатрис, всю жизнь не вылезавшая из-под земли, вряд ли смогла бы найти дорогу за город.

От размышлений их отвлек младший сын Шарлотты, старшей сестры Беатрис, резко плюхнувшийся на пол и на четвереньках устремившийся прочь, лавируя между ног гостей.

- Марк! – вскричала Шарлотта, бросаясь за ним. – Иди, поцелуй тетю Беатрис.

Подхватив сына, она ловко бросила его на руки Беатрис, где он тут же принялся грызть медный диск.

- О, нет! Марк! – без всякого толку застонала Шарлотта.

Она пошла в мать: светлые волосы, кожа цвета слоновой кости, широкие скулы и голубые глаза под сенью густых ресниц. Глотнув шампанского, она пригляделась к тому, что сын сунул в рот.

- Какая гадость. Что это, Беа?

– Не знаю, – ответила Беатрис. – Только сегодня откопали.

– Экстравагантный медальон. Ты не будешь возражать, если Марк его погрызет?

– Что ж, он пролежал в яме под какими-то канализационными трубами не один десяток лет, – любезно ответила Беатрис. – Думаю, ему уже мало что может повредить.

Глаза Шарлотты едва не вылезли вон из орбит. Отставив шампанское, она выхватила у Беатрис своего отпрыска и тут же зажмурилась от внезапного оглушительного рева над самым ухом. Допив из своего бокала остаток игристого вина, которое не успел расплескать Марк, Беатрис огляделась в поисках Ионы Кле.

Зал быстро заполнялся гостями. На галерее под потолком негромко играли музыканты, чистое эхо нежных звуков флейты и скрипки витало среди древних стен. От парадного зала короля Ириона, где его рыцари за ужином швыряли обглоданные кости охотничьим псам, остался только простор да огромный, охраняемый парой драконов каменный камин, свободно вмещавший кряжи столетних дубов. За минувшие столетия стены зала претерпели множество различных трансформаций. Теперь они были обшиты деревом, окрашены и увешаны тяжелыми рамами с портретами, пожалуй, всех до единого предков королевской семьи. Прошлое взирало со стен на настоящее – и вовсе не всегда с интересом и одобрением. Повсюду стояли диваны, кресла, цветы в горшках; гости, стоя вокруг, оживленно переговаривались. Очередь поздравителей укорачивалась, а группы беседующих росли. Над столом в дальнем конце зала возвышался многоярусный торт величиной в половину камина. Целая армия слуг разносила подносы с шампанским и изящными крохотными тартелетками с острыми закусками, пробираясь сквозь толпу таинственными, непостижимыми путями. Рассеянно слушая младшего из братьев, Дэймона, и его нареченную, невероятно болтливую красавицу, обсуждавших свои бесконечные свадебные планы, Беатрис наконец-то увидела в толпе усталое лицо и саркастическую улыбку Ионы. Его жена, очаровательная Софи, вела мужа под руку к концу очереди поздравителей. Рядом, по другую сторону от отца, шел Фелан, с невозмутимым выражением на лице стрелявший глазами по сторонам в поисках пути к бегству. Одна лишь Софи, мимоходом приветствовавшая друзей и знакомых, плыла сквозь толпу с благодушной рассеянностью.

Оставалось дожидаться, когда все поздравят короля. Иона остался рядом с королем, Фелан, углядевший среди гостей кого-то из друзей, с явным облегчением улизнул в сторону, Софи, помахав кому-то, двинулась в другую. Вскоре очередь подошла к концу, король повернулся к Ионе, и Беатрис направилась к ним.

Очевидно, король первым делом спросил, что за необычная вещь украшает шею его дочери: оба заозирались в поисках Беатрис еще до того, как она подошла к ним.

– Принцесса, – с легкой усталостью заговорил Иона, стоило ей оказаться рядом. Он был ужасно бледен и тщательно отмыт. – Я вас едва узнал. Вы выглядите просто очаровательно.

– Думаю, стоит поблагодарить вас, мэтр Кле. Вы – тоже.

– Что вы нашли для меня?

– Это нашел Каррен, – ответила она, нащупывая застежку цепочки. – И попросил меня передать вам.

– Я надеялся, – вмешался король, – что вы решите подарить это мне ко дню рождения, – у короля имелась собственная коллекция предметов старины, многие из коих были подарками Ионы. – Не сомневайтесь, я оценил бы этот любезный жест по достоинству.

– Мы уже оставили весьма дорогостоящий дар на столе для подарков.

– Но это же просто пустяк, я уверен. Возможно, у вас таких дюжины.

Сняв позеленевший от времени медный диск с цепочки, Беатрис вложила его в руку Ионы. Диск лег на его ладонь рунами кверху. Какой-то миг он молча изучал их, а затем перевернул диск и взглянул на профиль под капюшоном.

Внезапно глаза его округлились, пальцы резко сомкнулись на диске. Запрокинув голову, он расхохотался – громко, открыто, от всей души. На него начали оглядываться. Неподалеку мелькнуло изумленное лицо Фелана.

Разжав пальцы, Кле протянул диск королю.

– Примите это вместе с моими наилучшими пожеланиями. С днем рождения, ваше величество.

– Но что это? – с нетерпением спросил король.

– Что здесь написано? – присоединилась к нему Беатрис.

Иона умолк, будто взвешивая слова на ладони, вместе с диском, но тут же сдался, подкинул диск в воздух, поймал его и вновь протянул королю.

– Эта загадка доставит вам обоим истинное наслаждение. Все перед вами – и ткань, и нить. Найдите ее и следуйте ей.

– Но... – хором заговорили Беатрис с отцом, однако внезапно возникшая рядом королева привлекла внимание короля к церемониймейстеру, явившемуся с ней.

– Ваше величество, – негромко заговорил он, – сейчас для вас споет приглашенный бард – гостя из Школы-на-Холме. Затем тост в вашу честь поднимет принц Гарольд, затем последует ваша речь. Далее королевский бард исполнит композицию, сложенную по случаю вашего дня рождения, после чего разрежут торт.

– Мы все должны собраться у стола, – добавила королева.

– Хорошо, дорогая.

Взяв диск, король неохотно сунул его в карман и подал ей руку.

– Не отставай, Беатрис.

– Хорошо, мама.

– Мне нужно выпить, – пробормотал позади Иона, стоило ей развернуться и последовать за королевской четой.

Вскоре на галерее для музыкантов гостя из школы тронула струны арфы, и ее голос, будто звучное, первозданное, неотвязное эхо песен костей равнины, наполнил зал балладой о королях Певереллах – древней, как сам Бельден.

Глава четвертая

Далее, сколь бы невероятным это ни выглядело, история фиксирует присутствие Найрна на церемонии, последовавшей за Битвой при Уэльде, в ходе коей Анстан передал королевский трон Приграничий завоевателю, королю Оро, целеустремленно собиравшему земли пяти королевств в единое государство, названное позднее Бельденом. Присутствовал на этой церемонии и придворный бард Оро, Деклан. Природа его экстраординарных талантов неясна и чаще всего рассматривается не в исторических документах, но в поэтическом творчестве. Как бы то ни было, он неизменно занимал место рядом с королем. Баллады, фрагменты стихов и даже расхожая метафора доносят до нас сквозь века странную легенду: Найрн возвращает Деклану самоцветы, прежде взятые им с арфы старого барда. В некоторых сказаниях он даже швыряет их Деклану в лицо. Каким образом он получил их, также повествует лишь фольклор – особенно фольклор Приграничий. Одни говорят, будто он украл их, другие – что забрал себе при помощи волшебства, но объяснений, способных удовлетворить историка, не дают ни те, ни другие. После этого Найрн вновь исчезает даже из примечаний к историческим хроникам.

Несколько лет спустя он появляется вновь – в школе бардов, открытой Декланом по окончании завоеваний короля Оро. Сославшись на возраст и долгие годы службы, Деклан оставляет пост придворного барда Оро и возвращается на равнину Стирл, ныне подвластную Оро. Здесь, на невысоком холме, увенчанном древними каменными монолитами и дозорной башней с видом на реку Стирл, он поселился, чтобы провести остаток дней в покое и созерцании. Но покой оказался недолгим: прослышав о его обширных познаниях и непревзойденном мастерстве, в обучение к нему потянулись барды и желающие стать оными из всех уголков пяти покоренных королевств. И здесь, на этом холме, вновь вступает в границы истории Найрн.

*Вот бард стоит меж двух владык,
И горек его взгляд.
Раскрыл он длань, под гневный крик
Камень в грязь летят:
«Возьми добро свое, старик,
Чьи песни – ложь и яд!»*

*Гарет Ломили Браун.
Из «Битвы при Уэльде»*

*Изменчивый, как самоцвет с арфы.
Северная поговорка*

Битва при Уэльде длилась три дня. К ее началу Найрн, отбивавший походный ритм для войска Анстана, шедшего маршем сквозь западные горы Приграничий, сзывавший горные кланы игрой на волынке, а после барабанным боем гнавший солдат на юго-запад, навстречу врагу, натер новые мозоли поверх старых. Никогда в жизни он не странствовал так быстро и не играл так много. И вот Уэльде – очаровательная широкая речная долина на рубеже Приграничий и равнины Стирл – расprostерлась перед ним пушистым ковром сливочно-желтых диких цветов. Такой Найрн увидел ее в начале сражения, поднося к губам длинный, скрученный кольцом обшарпанный рог, вложенный ему в руки с приказом трубить. К концу битвы на поле боя осталась лишь горстка незатоптанных цветов, да и воинов Анстана не больше. Тогда

Оро выслал в поле своего барда, Деклана, дабы тот встретился с посланцем короля и передал ему требование сдаться.

В тоске и ярости Анстан, человек не особо-то музыкальный, ответил тем, что счел последним тщетным жестом презрения. Навстречу придворному барду Оро на вытоптанное, залитое кровью поле боя, где не было ни движения, ни звука, кроме жужжания мух да вороного грая, был послан грязный, оборванный полковой барабанщик, да еще – пешим.

Деклан выехал вперед на белом коне, одетый в дорожную темную кожу и шелк, с арфой на плече. Он, как обычно, был безоружен. Натянув поводья, он остановил скакуна посреди поля, меж лагерей двух владык, в ожидании чумазого юного менестреля в испачканной кровью рубахе и сандалиях, одна из которых была привязана к ноге веревкой, так как шнурки ее истерлись, истлели в долгом походе. На плече молодого барда все еще висел рог – последний инструмент, на котором он играл, трубя отступление.

Подойдя, Найрн встал перед старым бардом, и оба молча взглянули друг на друга.

– Ты спрашивал, кто я такой, – наконец заговорил Деклан.

Окаменевшие губы на грязно-белой маске лица дрогнули, обронив несколько слов:

– Да. Спрашивал.

С этим Найрн вновь умолк, меряя Деклана взглядом. Внезапно его суровые вороные глаза сузились; сквозь горечь в их глубине на миг мелькнуло удивление.

– Ты – шпион Оро, – отрывисто бросил он. – И его бард. Но кто еще? Ведь не моя же песня заставила самоцветы сойти с твоей арфы. Это ты отдал их мне.

Странные глаза блеснули в луче солнца, будто металл.

– Нет, ты взял их сам, – ответил Деклан и поднял взгляд, точно обращая вопрос к небесам. – Неужто вся эта земля ни сном ни духом не ведаёт о собственном волшебстве?

– Что?

Деклан вскинул руку к небу, отказываясь от ответа:

– На это я отвечу, когда ты сумеешь понять вопрос.

– Прости, но впредь я больше не желаю видеть твоего лица.

– Возможно, у тебя не будет выбора.

Найрн вскинул на него изумленный взгляд, собравшись возразить, но и этого выбора не оставил ему старый бард.

– Раз уж ты завел разговор об этих материях, нужно покончить с ними, – продолжал он. – Король Оро примет от Анстана меч, корону и обет верности завтра на рассвете.

– На рассвете? – беспечно перебил его Найрн. – Отчего ты думаешь, будто король Анстан все еще будет здесь?

– Потому, что я присмотрю за этим, – негромко ответил Деклан, и вновь изумленный Найрн почувствовал, как волосы на его затылке поднимаются дыбом. – В обмен на верность Анстана он сможет оставить себе и своему роду одно поместье в Приграничьях. Что до иных материй – числа дружинников, размеров дани в пользу короля Оро – оставим их королевским советникам. Завтра же король удовольствуется видом Анстана, безоружного и развенчанного, преклонившего колена в грязи перед его шатром. Такова цена мира.

– Я не могу передать этого королю Анстану, – равнодушно сказал Найрн. – Он предаст меня смерти.

– А должен бы оказать тебе почести.

– За что? За то, что я дул в эту обшарпанную кривулину, трубя отступление?

– Он должен бы оказать тебе почести, – повторил Деклан, – за то, что ты был в силах сделать для него.

– Что...

И вновь рука старого барда поднялась, указывая на разорение вокруг. На сей раз в его спокойном, мелодичном голосе звучала странная нотка досады:

– С кем вы, по-твоему, дрались? Все это поле окружено войском короля Оро. И большая его часть всего лишь стояла да смотрела, как вы в тумане бьете друг друга.

При этих словах сердце Найрна сжалось в комок, а кровь отлила от лица. Старый бард развернул коня, однако Найрн успел заметить усталость и отвращение, мелькнувшие на его лице.

– На рассвете, – напомнил он, не оглядываясь. – Перед шатром короля Оро.

– Но ты ведь бард, – взмолился Найрн ему вслед. – Вложи в послание хоть толику поэзии, или к рассвету я окажусь среди мертвых, и вороны выключают мне глаза.

Деклан обернулся. Лицо его вновь было безмятежно.

– Я слышал, на что ты способен. Найди во всем этом собственную поэзию.

Ковыляя назад в сумерках, сгущавшихся над полем битвы, не глядя на черные тучи вороны, взвивавшиеся ввысь из-под ног, Найрн сумел облечь требования короля Оро в более лестные выражения. Бессильно обмякший в кресле под пологом шатра, в окружении генералов, Анстан молча выслушал принесенную Найрном весть, прорычал что-то нечленораздельное, обеими руками сорвал с головы корону, швырнул ее наружу и сам двинулся следом, задержавшись на пороге лишь затем, чтобы сказать:

– Собраться перед рассветом. Здесь. Всем до одного.

С этими словами он вышел горевать о своей судьбе под луной. То же сделал и Найрн, двинувшийся в противоположную сторону с арфой, которой не брал в руки много недель. Слышал ли его нежную, печальную музыку тоскующий король, играл ли он одним лишь лицам мертвых, озаренным луной, – об этом Найрн даже не задумывался. Только надеялся, что тугоухий король не примет его за Деклана и не метнет в него кинжал в темноте.

Но в предрассветный час, стоило Найрну явиться к королевскому шатру, Анстан удивил его.

– Прихвати арфу, – без лишних слов велел он. – Я слышал, как в эту ночь ты отдавал последние почести мертвым воинам Приграничья, – окинув взглядом грязного, оборванного барда, он жестом подозвал слугу. – Тебе найдут достойное платье. Переоденься да лицо умой, а то и сам выглядишь полумертвым. Наверняка тому, – буркнул он генералам, – что этот варвар так возвысил своего барда, есть причина. Не то чтоб я ее понимал, но можно хоть сделать вид, что и мы не хуже него.

Позже, стоя на коленях рядом с Анстаном, на раскисшей от утренней росы, истоптанной множеством ног земле перед шатром нового короля и глядя на земляного червя, извивавшегося в комьях грязи, Найрн с горечью думал о том, что сейчас даже этот червяк много выше, чем он. Уголком глаза он увидел, как меч и корона Анстана легли – ниже некуда – в грязь под ногами Оро. Тогда-то он и разжал крепко стиснутый кулак. Самоцветы, скатившись с ладони, вспыхнули в мерзкой слякоти, будто угли.

– Что это? – глубоким, рокошущим басом спросил Оро, высокий, дюжий человек со спутанными рыжими волосами. Его широкий плащ поверх рубахи был застегнут на продолговатые пуговицы, вырезанные из кабаньих бивней, такие же пуговицы красовались на отворотах сапог. Ряд острых кабаньих бивней, отлитых из золота, украшал и венчавшую его голову корону. Слова он подбирал не так уверенно, как Деклан, и в речи его слышался тот же непривычный напев.

– Самоцветы с арфы твоего барда, – отвечал Найрн, слишком удрученный для забот об учтивости (да и кому из королей взбредет в голову ожидать хороших манер от ничтожного червя?). – Я забрал их у него.

На миг над полем воцарилась полная тишина. Даже вороны удержались от замечаний.

К изумлению юного барда, Оро присел перед ним на корточки.

– Взгляни на меня, – велел король, – и вспомни мой титул.

Найрн поднял голову. Глаза короля, цвета лесного ореха, долго удерживали его взгляд, всматриваясь, изучая, пока Найрн не услышал собственный голос:

– Да, милорд.

Оро отвернулся, устремив пронзительный, немигающий взор на Деклана.

– Как он забрал их?

– Они пошли на его зов, милорд.

– Вот как, – выпрямляясь, выдохнул король. – Тебе повезло с бардом, сэр рыцарь.

– Да, – безучастно согласился Анстан, и с горечью уточнил: – Милорд.

– Возможно, даже слишком повезло. Он – оружие, и я присовокуплю его к боевым трофеям. Встань.

– Он – всего лишь полковой бард, – озадаченно возразил Анстан, поднимаясь из грязи.

– Что ж, отныне он тебе ни к чему.

С этими словами Оро отвернулся и взмахнул рукой, приглашая всех в свой шатер.

– Там, откуда я родом, – продолжал он, – барды в высокой цене. И за этого ты получишь достойную плату. Он может вернуться за инструментами и прочими пожитками.

Кивнув паре стражников, он взглянул на Деклана и вопросительно изогнул бровь.

– Справятся, милорд, – кратко ответил Деклан. – Его невежество не знает границ.

– О? Значит, его несчастье обернулось удачей для нас, – он перевел полный любопытства взгляд с Найрна на стражей. – Отправляйтесь с ним.

Его отвели через поле назад. На ходу Найрн смотрел, как кружатся в воздухе черные стаи ворон, вспугнутых воинами в поисках раненых. Столь же черны были и мысли, кружившие в его голове. В глазах Деклана он потерпел поражение, не сумев справиться с каким-то необычайно важным делом, способным изменить ход вчерашней битвы. Как именно? Этого Найрн не мог и вообразить. Но оттого, что он так жестоко оплошал, Деклан более не ждал от него ничего иного. Сманить своим пением самоцветы с арфы старого барда ему удалось лишь случайно, в порыве невероятно глубокого, страстного вожделения без малейших надежд. Теперь он вновь чувствовал то же самое – он был переполнен отчаянным, лишенным хоть крохи надежды желанием убраться от этой кровавой бойни и от зловещего взгляда Деклана как можно дальше.

Ах, если б он мог змеей уползти прочь среди мертвых тел, улететь, смешавшись со стаей ворон...

В отсутствие иных, лучших мыслей, он оставил стражей рыться в вещах Анстана и прошел в заднюю часть шатра, где, среди бесполезных отныне знаков воинской доблести, были разбросаны его пожитки. Ни походный барабан, ни обшарпанный рог не уместились бы в заплечном мешке. Нехотя бросив их, он взял генеральский меч, разрезал парусину стены у самого пола, выскользнул наружу позади шатра с арфой, заплечным мешком да чьей-то парой сапог, и быстро прошел прочь мимо утренних костров разбитого войска Анстана. Видя это, мрачные воины молча подняли ему вслед кружки – на удачу. Подобно земляному червю, Найрн упал наземь и пополз, скользя на брюхе среди непогребенных тел, и, скорее поспешно, чем осторожно, достиг густых зарослей вдоль берега реки.

Никто не поскакал за ним и не отволол назад. Однако, стоя у кромки воды, Найрн ощутил на себе чей-то взгляд. Под этим зловещим взглядом волосы по всему телу поднялись дыбом, кожа похолодела, как лед, суставы утратили гибкость. Он оглянулся, вскинул взгляд – и увидел на ветке белую сову, уставившуюся на него сверху вниз огромными золотыми глазами.

Вдруг голову наполнил голос из ниоткуда, одновременно певучий и сильный.

«Ты нашел меня раз, нашел и другой, третьего не миновать».

Крик, вырвавшийся из горла, мог бы и мертвых заставить открыть глаза. Найрн бросился бежать.

Он бежал не день и не два. Казалось, недели, а то и месяцы миновали, прежде чем он вновь почувствовал себя в безопасности и немного замедлил бег. Он скрылся в южных лесах

Приграничий, держась небольших деревушек, самых непритязательных особняков, арендаторских домиков, столь древних, что камни их стен могли бы пустить в землю корни. Грязный, оборванный полковой бард последнего из королей Приграничий везде находил сострадание и почет. Баллады, сложенные им о Битве при Уэльде, открывали перед ним любые двери, давали стол и кров, ибо событие это было столь новым, что лишь немногие в тех тихих, никогда не меняющихся краях понимали: древнего трона северных королей больше нет. Опережая солдат и чиновников короля Оро, Найрн странствовал по самым уединенным уголкам страны, где сотнями лет могли жить древнейшие из слов, сказаний и музыкальных инструментов, а вести о том, что происходит в мире, опаздывали на сезон или два. Здесь Найрн с некоторым запозданием узнал о том, что Оро забрал под свою руку последнее из пяти королевств и дал своим новым землям имя «Бельден».

К тому времени Найрн провел в странствиях теплые времена года, и перезимовал в уютных усадьбах хуторян и купцов, до сих пор ухитрявшихся избегать внимания нового короля. За стол и кров он, как всегда, расплачивался музыкой, а попутно разыскивал и запоминал незнакомые древние песни. Казалось, время течет незаметно – вот только даже здесь, в глуши и безвременье, у самого края земли, имя и лик короля на монетах все чаще принадлежали не Анстану, а Оро. Впрочем, в местах, столь отдаленных от древних дворов, и в старых-то королях, известных здесь лишь из баллад об их войнах да битвах, нередко путались. За время странствий Найрн почти не замечал изменений на лице мира, где пять королевств превратились в одно, и пять королей сменились одним – Оро. Но вот однажды, под конец лета, не слишком-то заботясь о том, в какой точке мира находится, Найрн миновал отрядные поля и леса восточного Бельдена и вышел на равнину Стирл.

Он тут же узнал эту гладь бескрайнего моря зеленой травы, пошедшую волнами, вскружившуюся водоворотами среди холмиков и взгорков, стоило лишь немного углубиться в нее. Там и сям над равниной высились странного цвета стоячие камни – одни венчали вершины холмов, другие будто маршировали вдоль берега строем, вдруг обрывавшимся без видимых причин. На иных холмиках росли одинокие деревья – огромные, ветвистые, древние. Равнину пересекала надвое река Стирл, струившаяся к морю откуда-то с северных гор. На ее берегах не жил никто, кроме стоячих камней – неожиданно сливочно-желтых, в то время как и галька в реке, и валуны, торчавшие из травы, были аспидно-серыми, точно сланец.

Прошел день, другой, третий – Найрн оставался на равнине один. Горы и лес превратились в крохотные темные мазки вдаль, у горизонта. Днем в мире было не слышать ни звука, кроме шума ветра, шороха листьев деревьев, под которыми Найрн устраивался отдохнуть, да редкого приветственного клича сокола или трели жаворонка. Ночью огни загорались лишь высоко в небе, слишком далеко, чтоб ожидать от них уюта и крова. Найрн играл звездам – своим единственным слушательницам. Во сне, под камнем или деревом, завернувшись в плащ и подложив под голову заплечный мешок, вдыхая ароматы травы, земли и огромных, изъеденных временем, испятнанных лишайником стоячих камней, он слышал сквозь дрему, как ветер нашептывает ему что-то на языке, древнем, как сами стоячие камни. Порой до него доносились обрывки незнакомых, завораживающих мелодий – быть может, напевов ветра, или речной воды, или стоячих камней, звенящих под длинными пальцами плывущей над равниной луны. Но стоило Найрну проснуться, стоило с трудом разлепить глаза, чтобы хоть мельком увидеть неуловимого музыканта, как музыка стихала, и Найрн убеждался, что вокруг нет ни души, что он один на равнине и сам играет себе во сне.

Однажды ночью Найрн увидел расплывчатые красные отсветы огня над далеким холмом. На следующее утро он двинулся туда и к вечеру вновь увидел свет – горстку красных звездочек, спиралью, словно башенные окна, поднимавшихся вверх. Еще день пути, и он увидел кольцо стоячих камней, венчавшее холм у реки, а внутри кольца – темную каменную башню. Приблизившись к холму, он смог как следует разглядеть ее – сторожевую башню из уложен-

ного спиралью плитняка, оставшуюся с тех незапамятных времен, когда на равнине было что охранять. За узкими окнами, восходящей спиралью опоясывавшими стены, зажигались ночные огни. Они манили к себе, будто свет маяка.

Снизу к башне лепилась новая, еще растущая каменная кладка. Груды камней, извлеченных из земли и из речного русла, высились среди штабелей бревен. С вершины холма к реке тянулась утоптанная дорожка; среди зеленой травы темнела обнаженная плодородная почва. Видимо, бревна явились сюда из густых северо-западных лесов, принесенные течением, чтобы осесть в этом ничем не примечательном месте. Казалось, здесь не живет никто, кроме полевых мышей да жаворонков, но по пути к дорожке Найрн углядел среди деревьев на берегу и другие каменные стены. «Деревня строится», – с удивлением подумал он. Почему здесь? Это место было таким же безлюдным, уединенным, как и любая другая излучина реки. Однако строительство шло полным ходом. Найрн чуял пряный, сырой запах – знакомый запах вскопанной земли и выполотой травы, донесшийся с полей, садов и огородов, невидимых за рекой. Еще один знакомый запах. Свиньи? Выходит, люди пришли сюда надолго...

Снедаемый любопытством и мучимый голодом (ведь от его запасов хлеба и сыра остались лишь корки да крошки), Найрн ускорил шаг и свернул на тропинку, ведущую к вершине холма.

Пройдя меж двух массивных, нагретых солнцем стоячих камней, он услышал – быть может, из башни, а может, из недостроенных стен подле нее – чью-то игру на свирели.

Вздых тишины – и к первой свирели присоединился целый хор, нестройный, но вдохновенный. Узнав мелодию марша, одну из многих, что играл сам, шагая к Уэльде сквозь горы с войском Анстана, Найрн остановился, как вкопанный. Там, в Приграничьях, эту народную песню знали все, от мала до велика. Но здесь, на равнине Стирл, она казалась фальшивой нотой, звучала, будто тревожный сигнал. Этой песне следовало оставаться на севере, там, где она родилась, а не странствовать в эти края в памяти того, кто слышал ее (быть может, не раз и не два), пока войско северян с бездумным упрямством шагало навстречу горькому поражению.

Он ел глазами дощатую дверь с овечьим колокольчиком, свисавшим со щеколды, готовый развернуться, спуститься с холма и скрыться в прибрежных зарослях – без явной причины, гонимый лишь старыми мрачными воспоминаниями. Но порыв ветра принес из-за стен недостроенного дома целое облако запахов – аромат жареного мяса, теплого хлеба, горящих смолистых поленьев.

Не в силах противиться этому зову, Найрн последовал на запах.

Запах вел в обход новых стен, притулившись к башне, окружая большую ее часть, к открытой башенной двери. Заглянув внутрь, Найрн увидел девушку с длинными светлыми кудрями, мешавшую длинной ложкой в котле над древним очагом. Услышав, как Найрн ступил на порог, она обернулась к нему. При виде ее лица у него замерло сердце.

Совершенный овал, отливающий белизной жемчуга и морской пены... Полумесяцы щек... Полные губы, нежно-розовые, будто клубника среди жемчугов... И светло-зеленые глаза. При виде длинноволосого незнакомца с арфой и заплочным мешком, с ввалившимися от голода щеками, взгляд этих глаз сделался одновременно понимающим и настороженным, совсем не подходящим для ее юных лет.

Она заговорила, и сердце Найрна вновь прерывисто, громко застучало в груди. Ее тихий певучий голос звучал, словно неведомый, прекрасный, редкий инструмент. В этот миг перед ним вновь мелькнул образ величавых башен, ярких знамен, роскошных гобеленов, среди которых только и можно услышать подобные голоса, и он понял, отчего во всех своих странствиях ни разу не встречал такой музыки.

– Возьми с той полки миску, – пропел этот чудесный инструмент. – Сейчас они кончат играть и спустятся. Ты как раз вовремя, чтобы помочь нам закончить крышу. В том кувшине вода, а хлеб... О, я вижу, ты уже отыскал его.

– Спасибо, – прохрипел в ответ Найрн с набитым ртом.

С трудом оторвав взгляд от ее лица, он взглянул на ее руки. «Две песни», – в восторге подумал он при виде длинных, изящных пальцев, слегка потемневших от работы розовых ногтей и вен, голубевших вдоль запястий цвета слоновой кости.

Сделав над собою усилие, он спросил, на деле ничуть не заботясь об этом, а просто пытаясь отвлечься – на сей раз от ее пальцев:

– Что это за место?

– А ты не знаешь?

– Я просто иду через эту равнину. Через бескрайнюю безлюдную ширь, где не с кем и поговорить, кроме тех огромных камней. Несколько ночей назад я увидел свет на холме и пошел на него. А потом унюхал твое жаркое.

Она улыбнулась, и ее бледная кожа натянулась, заиграла на скулах, как шелк.

– Я еще только учусь готовить, – сказала она, накладывая жаркое в миску. – Мы все здесь делаем, что умеем, а поднимать наверх камни и тесать бревна я не гожусь, – она подала Найрну миску, опустив в нее ложку. – Осторожнее: очень горячо. Увидев твою арфу, я решила, что ты пришел в нашу школу.

Ложка горячей мясной похлебки на время лишила Найрна дара речи, и он сумел лишь вопросительно поднять брови.

– В школу Деклана, – пояснила она.

Он быстро проглотил еду. От жгучей боли голос сделался хриплым.

– Деклана?

– Барда короля Оро. Судя по арфе, ты должен был о нем слышать. Два года назад он оставил свой пост при дворе короля Оро и поселился здесь. Он просто влюблен в эту равнину. Говорит, что ее ветер, листья и камни разговаривают на древнейшем языке в мире, и он может научить нас понимать его. Прежде чем переехать сюда, он играл по всем пяти королевствам – теперь это Бельден – и в одиночестве остался ненадолго. Сначала его отыскивали слухи, а затем и мы.

– Но как? – обожженное горло еще давало о себе знать. – Как слух нашел путь через всю эту пустоту?

– Кто знает? Птица сказала лисе, а лиса – мулу медника... Весть разнеслась. Деклан играл моему отцу, лорду Десте, при его дворе в Эстмере, когда мне было пятнадцать, через полгода после того, как братья бились за Эстмер с королем Оро. Услышав, что Деклан на равнине Стирл, я в тот же день оставила дом и отправилась сюда. Отец с братьями пытались удержать меня, но... Таково уж действие его музыки. Я оказалась не первой его ученицей, и после меня пришли еще многие. Зимы здесь беспощадны, а эта башня стала для нас слишком тесной. Вот мы и делаем пристройку.

С лестницы за ее спиной донесся нестройный гул голосов, а за ним – грохот шагов по древним ступеням. Найрн скосил взгляд, и кусок баранины застыл меж его зубов. Первым в кухню вошел худой, рыжий, как лис, старый бард с арфой на плече и пастушеской свирелью в руке. Взглянув на Найрна, он ничуть не удивился.

– Ты не спешил, – заметил он.

Найрн замер, глядя на него, не обращая внимания на пеструю толпу учеников – мужчин и женщин различных лет и положений, протискивавшихся мимо. Казалось, кожа Найрна внезапно сжалась при мысли о том, что эти совиные глаза, должно быть, видели каждый его шаг по равнине – а может, и на всем его тайном извилистом пути.

– Третьего не миновать, – прошептал он, слыша, как само очарование за его спиной накладывает жаркое ученикам. – Откуда ты знал, что я найду тебя?

– А куда еще, – спросил в ответ Деклан с терпеливой досадой в голосе, – ты мог бы направиться в этих абсолютно невежественных краях?

Вопрос его Найрн понял не сразу. Еще какое-то время потребовалось, чтоб осознать, как же прав был старый бард. Понимание же, насколько Деклан был неправ, явилось слишком, слишком поздно.

Глава пятая

Когда Фелан, постучав в дверь, вошел в пещеру древней кухни, Зоя Рен из Школы-на-Холме, выступавшая на дне рождения короля, готовила отцу завтрак. Не потрудившись обернуться, она оборвала на полуслове скабрзную песню, подхваченную в «Веселом Рампоне» в предутренний час после придворного праздника, и потянулась за новой парой яиц. Она прекрасно знала и ритм, и тон его стука, и даже в какую из дверных досок – в самую, надо сказать, ее середину – он стучит, с тех пор как им обоим исполнилось по пять, и его пальцы барабанили в дверь намного ближе к порогу. Они знали друг друга давным-давно. Вот скрежет дерева о камень – это он придвинул кресло к столу. Искромсанный ножами разделочный стол скрипнул под ударом колена о ножку, стеклянные крышки чайника и масленки вздрогнули. Под глухой стук локтя о столешницу Зоя разбила яйцо, под стук второго яйцо плюхнулось в миску, полную жидких плавучих солнц.

Фелан заговорил.

– Однажды, – предостерег он, – в один прекрасный день, ты подумаешь, что это я, а это буду не...

– Вздор. Твое появление – будто старая, давным-давно знакомая песня, только без звука, – наконец-то обернувшись к нему, она рассмеялась собственным словам. – Ты понимаешь, о чем я.

– Нет, не понимаю, – он улыбнулся – возможно, при виде ее босых ног, закатанных по локоть рукавов школьной мантии, накинутаой поверх вчерашних шелков, и пряди всклокоченных темных волос, норовящей присоединиться к яйцам в миске. – Припозднилась вчера?

Зоя кивнула, на миг задержав на нем взгляд. За улыбкой Фелана крылось что-то неладное. Она повернулась к старой чугунной плите и бросила на разогретую сковороду кусок масла. Ее изящное, тонкое, смуглое лицо не скрывало ничего, играло всеми красками пронизательных зеленых глаз и губ, красных, как ягоды остролиста. Бледность Фелана впервые привлекла ее любопытный взгляд, когда она поднялась из кухни трапезной, где готовила мать, наверх и увидела маленького мальчика с волосами цвета гусяного пуха и огромными, серыми, как туман, глазами, молча, с непроницаемой миной сидевшего рядом со своим отцом.

– Я была у Чейза, – сказала она через плечо. – Несколько бардов с севера зашли послушать, что за музыку играют ученики из Школы-на-Холме. И научили нас паре восхитительно вульгарных песен. Вот, только что вернулась. Как твой отец?

– А что?

– У тебя такое выражение лица...

Откинувшись на спинку кресла так, что оно жалобно заскрипело, Фелан довольно равнодушно ответил:

– Вчера, на рассвете, я нашел его в пустошах за Докерским мостом. Это обеспечило ему два-три часа, чтобы отмыться к королевскому празднику. Он сидел в грязи у реки и пел стоячим камням. Удивился, как мне удалось его отыскать, но даже он предсказуем. Я просто искал неподалеку от места его последних раскопок, – он сделал паузу, и в его голосе появились нотки упрямства. – Не знаю, что он ищет. А жаль. Когда-то я думал, что он бродит по Кайраю, копая могилы в поисках собственной смерти. Но вместо этого он неизменно находил сокровища...

Зоя наклонилась над сковородой разделочную доску и вывалила в шипящее масло кучу нарезанного лука, колбасок и зубчиков чеснока. Помешивая все это, она медленно сказала:

– Смерть отыскать нетрудно, если действительно этого хочешь, не так ли? Значит, ему нужно что-то другое.

– Все остальное у него есть, – криво улыбнулся Фелан. – Кроме способностей к музыке. Но если он упек меня в эту школу, чтоб возместить свою потрясающую бездарность, какой смысл позволять мне так, запросто, отвернуться от всего, чему научился, бросить все и...

– Никакого, – ответила Зоя, подчеркнув свои слова стуком ложки о сковороду. – Как и в твоём желании все бросить.

Но Фелан оставил ее колкость без ответа.

– Чего ему может не хватать? Все, к чему он ни прикоснется, обращается в золото. Сам король Бельдена называет его другом, несмотря на все его чудачества. И даже мать все еще любит его.

– И ты, – оглянувшись на него, заметила Зоя.

Фелан вскинул руку.

– И все же, чего?

Зоя задумалась, но добавить к давно знакомому, сложившемуся за многие годы перечню домыслов и предположений насчет Ионы ей было нечего. Поэтому она просто добавила к смеси на сковороде соли и еще раз помешала ее, наполнив кухню вихрем ароматов.

– Как прошел твой утренний урок? – спросила она, чтоб вывести обоих из лабиринта догадок. – Никто не уснул?

– Кроме меня. Я начал учить с ними девяносто стихов «Перечня добродетелей». Этого достаточно, чтобы любой залил слезами кайрайские улицы. Но только не Фрезер. Он просто кожей все это впитывает. Все ищет там, между строк, волшебство...

При этом слове глаза Зои помимо ее воли округлились. Уставившись в сковороду, она принялась рассеянно мешать ее содержимое, пока от паров лукового сока не зашипало глаза. Он моргнула.

– Волшебство?

– Не знаю, что он мог иметь в виду. Кроме того, что ты сделала вчера на дне рождения короля. Эта песня... Клянусь, она едва не смягчила выражение лица отца! Вот это действительно было волшебство.

– Спасибо, – улыбнулась Зоя.

– Где ты ее отыскала? Как будто из древнего кургана выкопала.

Зоя кивнула, энергично встряхивая перечницей над сковородой.

– Да, она очень старая. Мне показал ее Кеннел.

– Придворный бард? Тот самый Кеннел?

– Да.

– Да ведь он не расстанется с песней, хоть костер под его пятками разведи.

– Просто он меня любит, – жизнерадостно ответила Зоя. – Он говорит, я пою так, как пела бы наша равнина – все ее камни, ветры и кости птиц. Даже не спрашивай, что это значит. Это его слова. А что именно сказал тебе Фрезер?

– Точно не помню. Что-то о секретах. Секретах искусства бардов. Спрашивал, когда его начнут обучать им.

– Странно, – прошептала Зоя. – Может, тебе стоит взять это темой исследования?

– Что именно? Связь поэзии с волшебством?

– Согласно «Плачу по Приграничьям», во время единственного сражения Оро за Приграничья его бард Деклан призвал силой своей поэзии туман, ослепивший войско короля Анстана настолько, что воины не могли узнать своих. Войско Анстана билось само с собой, а воины Оро всего лишь стояли да любовались этим, – Фелан за спиной Зои молчал. – Волшебство заключалось в словах. То есть слова и были волшебством.

– Солидный источник, что и говорить, – сухо сказал Фелан. – Я просто хочу поскорее убраться из Школы, а не потратить полжизни на поиски туманных упоминаний волшебства бардов. Нет уж, об этом пусть пишет Фрезер.

– А может, и я напишу, – азартно сказала Зоя. Взбив яйца в миске и вылив их в сковороду, она задумалась над странным вопросом. – Интересно, что побудило Фрезера об этом спрашивать.

– Думаю, что-нибудь из прочитанного.

– Да, но что?

– Понятия не имею, – интонация Фелана явно демонстрировала, что он отметал эту тему, как недостойную внимания. – Вероятно, какая-нибудь древняя баллада. Что бы там ни было, если он хочет знать, то докопается. Он достаточно смышлен.

Зоя раскрыла было рот, но тут же вновь уставилась в сковороду и замерла, гадая, что могло заставить ее, совершенно не понимая вопроса, так уцепиться за это слово, и отчего оно, при всей одаренности Фелана, не вызвало в нем никакого отклика.

Услышав шаги спускающегося вниз отца, она потянулась за лопаткой, чтобы перевернуть яичницу. Должно быть, отца выманил из комнаты, отведенной под кабинет эконома, запах, достигший его ноздрей. Владения школьного эконома были древними, как сама школа – четыре комнаты на самом верху винтовой лестницы и допотопная кухня на первом этаже башни, с огромной пастью очага, вмещавшей целого барана на вертеле в те дни, когда одного барана хватало, чтобы накормить всю школу. Башню Зоя любила всем сердцем. Казалось, эти закопченные стены, эти камни, выкопанные в полях и поднятые из русла реки, рассказывают о тех стародавних временах, когда полуразрушенную башню Школы-на-Холме и крохотную деревушку под названием Кайрай окружали лишь травы, поля, да громады стоячих камней, столь древних, что никто и не помнил, когда и как они появились на равнине.

Теперь в старейшем из школьных зданий располагались изысканные комнаты мэтров, соединенные из множества тесных каменных клетушек, на которые была разгорожена школа в ранние времена. Завтраки мэтрам готовились наверху, на безупречно чистой современной кухне, под бдительным оком повара. Когда-то эту должность занимала покойная мать Зои. Еще молодой она учила разным разностям маленькую дочь, чтоб та не путалась под ногами и не мешала кипящей работе. Уже в те дни чистый и сильный голос малышки Зои, поющей, размешивая муку и масло в мясной подливке, неизменно привлекал внимание мэтров.

Достав из буфета тарелки, Зоя выставила их на стол и наполнила яичницей. Масло – в масленке на столе, фрукты – в вазе, нарезанный хлеб – на доске... Наконец-то можно было присесть. Отец Зои, высокий, худощавый человек с сединой в волосах, неизменно опрятный, как и приличествует эконому, без малейшего удивления поздоровался с Феланом и спросил, как продвигается его исследование. Зоя взглянула на лица обоих – сына, которого не довелось завести ее отцу, и интеллигентного, спокойного, лишённого всякой загадочности отца, которого так хотел бы иметь Фелан. Мысли ее унеслись вдаль. Придворный бард короля пригласил ее спеть еще раз, во время визита брата королевы Гарриет. То был лорд Гризхолд, герцог, правитель гор западного Бельдена, некогда – одного из Пяти Королевств. С герцогом должен был приехать и его новый бард. С ним Зоя еще не встречалась. Прежний придворный бард лорда Гризхолда не смог вовремя вспомнить нужной строки, или взял фальшивую ноту, или еще как-то оплошал, и несколько месяцев назад подал в отставку по причине преклонных лет. Оставив мрачные скалы Гризхолда, чтоб провести остаток дней в шумной и теплой столице, сейчас он завтракал наверху, в профессорской трапезной.

Обо всем этом Зоя поведала Фелану, пока оба сидели за столом, не спеша начинать новый день.

– Меня пригласили спеть во время официального ужина в честь гостей из Гризхолда. Придешь?

Взгляд Фелана сделался озадаченным.

– Не помню, приглашали ли нас. Надеюсь, что нет.

– Он снова исчез? – негромко спросил Бейли Рен, опустив чашку на стол.

– Испарился, как роса с дикой сливы, сразу после празднования дня рождения короля. Думаю, даже не заглянул домой переодеться. И не представляю, где его сейчас можно найти. Его легче всего отыскать, когда у него кончаются деньги.

Школьный эконом приподнял чашку, опустил взгляд и вновь поставил ее на стол.

– Отчего бы тебе не поискать в школьных счетных книгах?

– Кого? Отца?

– Э-э... Нет, я думал о твоём исследовании.

– Сведения о каких-то легендарных камнях... – озадаченно протянул Фелан. – Откуда им взяться среди расходов на пиво и латки на сапоге мэтра?

Губы Бейли медленно раздвинулись в легкой улыбке, обрамленной линиями морщин, будто знаками, оставленными на его лице десятилетиями скрупулезных записей.

– Ты удивишься, увидев, какие странные вещи можно найти в этих книгах. Они велись сотни лет, с того самого лета, когда первые ученики начали возводить каменные стены вокруг этой башни.

– Но Костяная равнина... ведь это, вероятнее всего, не более чем поэтический образ. Легенда. Людские грезы, веками передававшиеся от воображения к воображению. Так говорится о ней в большинстве научных статей. Доказательств ее существования в некоем реальном месте нет. Любой стоячий камень в Бельдене в том или ином исследовании связывают с Костяной равниной, и любое доказательство этой связи неизменно сводится к поэзии. То есть возвращает нас к мифам и грезам.

– Вот как? – Бейли отхлебнул остывающий кофе, и Зоя уже не впервые задумалась, что у отца на уме. – Ты говорил, что выбрал эту тему за простоту. Между тем простой она вовсе не кажется.

– Ничего подобного, – возразил Фелан. – Я напишу эту работу с закрытыми глазами, как только придумаю, с чего начать.

Вскоре после этого он ушел в библиотеку. Бейли, налив себе еще кофе, поднялся с чашкой наверх. Окинув взглядом беспорядок на кухне, Зоя решила, что уборка от нее никуда не убежит, и отправилась давать урок пения полудюжине учеников из начинающих.

Чистые переливчатые детские голоса и негромкий мелодичный дискант Зои, взвивавшийся над ними, привлекли слушателей. В проеме распахнутых дверей небольшого класса мелькнула и задержалась тень. Зоя вскинула взгляд на ее владельца – юного златовласого Фрезера. Голубые глаза над острыми волчьими скулами горели огнем нетерпения, жаждали тайн, изумлялись порывам хозяина и переменам в его собственных костях и теле. Очевидно, его привлек ее голос: он слушал, точно замороженный, его огромные затуманившиеся глаза смотрели на нее, не узнавая, как будто она, безымянная, только что поднялась во весь рост прямо из-под половиц.

Дождавшись конца урока и пропустив мимо себя устремившихся наружу учеников, он наконец шевельнулся и заговорил.

– Зоя... – Ее, как и Фелана, отделяла от него расплывчатая граница между учеником и мэтром, нетитулованным, но наделенным властью. – Я думал... Я хотел бы спросить об одной вещи.

– О волшебстве? – догадалась Зоя.

Лицо Фрезера дрогнуло, щеки налились румянцем.

– Я думал, это секрет, – неуверенно возразил он.

– Да, такой секрет, что даже я не знаю об этом ничего. Отчего ты спросил об этом Фелана? То есть я понимаю, отчего ты задал этот вопрос именно ему, но откуда возник сам вопрос? Из прочитанного?

Во взгляде Фрезера мелькнуло недоверие. Войдя в класс, он двинулся к Зое, будто влекомый какой-то тайной упрямой силой.

– Как вы можете об этом спрашивать? Я слышу его в вас. Слышу волшебство в каждом спетом вами слове. Слышу силу. Откуда бы могло взяться само это слово, если бы оно ничего не значило?

В ответ Зоя изумленно уставилась на него, пытаясь представить себе, что он чувствует и что хочет сказать. Он подошел ближе. Его горящие глаза были полны страсти, название которой он вряд ли нашел бы и сам. Примерно так же, как Зоя чувствовала Фелана или отца, еще не видя их, она почувствовала и безрассудную жажду, тоску Фрезера, будто нечто неясное и непокорное, на ощупь ищущее путь наружу, в мир.

– Объясните же, что оно такое? – хрипло сказал он.

– Не знаю, – голос Зои тоже куда-то исчез. – Я мельком вижу его там и сям, среди нот, между строк старинных баллад – тень, след чего-то могучего и древнего. Возможно, лишь воспоминания. Отголоски.

– Да, – поспешно согласился он. – Да. Но где можно узнать больше?

– Не знаю.

Но Фрезер не сводил с нее глаз, жаждущих, требующих ответа. «Ты тоже видишь его, – говорил он без слов. – И тоже жаждешь его».

– Кого же об этом спросить? – услышала Зоя, сама не зная, кто из них сказал это вслух.

Она сделала шаг назад и глубоко вдохнула, будто вынырнув из какого-то иного мира без времени и названия, где на миг позабыла даже о собственной человеческой природе.

– Не знаю, – повторила она в третий раз, потрясенная и вместе с тем охваченная безудержным любопытством. – Быть может... Быть может, мы видим только следы того, что давно покинуло этот мир. Быть может, мы просто рождены с первозданными глазами. Или сердцами. С талантом к тому, чего больше не существует. И потому это видение, эта тяга к волшебству – все, что нам суждено знать.

Фрезер подался к Зое, будто понимание всего этого сделало предметом его желаний и ее. Его лицо, страстное и в то же время робкое, внезапно стало совсем детским. Давно научившаяся уклоняться от подобных порывов, Зоя скользнула мимо него и остановилась в дверях. Удивленный, Фрезер оглянулся, отыскивая ее взглядом.

– Если я вдруг наткнусь на ответ, я расскажу тебе, – просто сказала она. – А ты должен рассказать мне. Обещай.

– Обещаю, – ненадолго задумавшись, кивнул он.

С тем он и остался в классе – судя по выражению лица, не понимая, что случилось (или, наоборот, не случилось) меж ними минуту назад.

Вернувшись в башню, Зоя поднялась наверх, оставила в своей комнате мантию и снова спустилась вниз – взглянуть, не прибралась ли кухня сама собой. Нет, чуда не произошло, но что-то в хаотических душевных порывах Фрезера никак не покидало ее мыслей, а кухонный хаос отражал эти душевные порывы, как зеркало. Резко развернувшись, она вышла наружу и двинулась через школьные земли, почти не замечая ни тихих садов, ни лужаек, ни кривого дуба, ни дремлющих камней. Она шла вниз, пока не заметила громаду парового трамвая, довезшего ее до подножья холма. Здесь, на шумной набережной, она вновь пошла пешком – по древней булыжной мостовой, мимо доков, рыбных рынков и всевозможных лавок, – пока не достигла дверей под рисованной вывеской с улыбающимся ликом солнца в хороводе голубых лилий. Надпись на вывеске гласила: «Веселый Рампион». Зоя вошла внутрь.

Чейз Рампион протирал бокалы за стойкой бара. Увидев Зою, он улыбнулся, точно солнце с вывески – ласково и дружелюбно. Золотые лучи нечесаных кудрей обрамляли его лицо, точно лепестки – подсолнух. Зоя прошла за стойку, обвила рукой его шею и поцеловала Чейза, чувствуя себя иссушенным жадой странником, набредшим на неожиданный родник посреди пустыни. К тому времени, как она наконец отпустила его, слово, засевшее в голове, вновь встало на свое место и обрело привычный, знакомый смысл. Немногочисленные посе-

тител за маленькими деревянными столиками зафыркали от смеха. Усмехнулся и Чейз – как только обрел дар речи.

– И тебе доброго утра, любовь моя. Что это значило?

– Не хочу об этом, – ответила она, подсаживаясь к нему поболтать – обо всем на свете, только не об этом.

Вернувшись в башню, она обнаружила на кухонном столе, рядом с покрытой засохшей коркой сковородой, записку от придворного барда.

День спустя она вновь отправилась вниз по склону холма, на сей раз в противоположную сторону – вдоль реки, к замку Певерелл. Под школьную мантию были надеты лучшие из ее шелков – длинная юбка, блуза и цветастый газовый шарф в тон листьев дуба, умиравших и вновь оживавших на ткани мантии.

«У меня есть несколько предложений, – писал Кеннел изящным старомодным почерком, – касательно того, что вы могли бы исполнить во время официального ужина в честь герцога Гризхолда. Возьмите с собою арфу».

Он встретил ее в небольшой аванложе, примыкавшей к галерее для менестрелей. Десятки лет тому назад Кеннел сам учился в Школе-на-Холме, затем начал преподавать в ней, но длилось это лишь до тех пор, пока неожиданный случай не свел в могилу придворного барда короля. Обычай, принесенный в Бельден самим Декланом, требовал состязания между всеми бардами, желающими занять эту должность. В те бурные времена, когда Деклан подал в отставку, оставил двор короля Оро и основал школу, за право занять его место развернулась неистовая борьба, вошедшая в легенды. Число превзойденных Кеннелом тоже вполне годилось для легенд: за право занять одну из высочайших придворных должностей сошлись потягаться барды со всего королевства, а тех, кто явился лишь посмотреть да послушать, и вовсе было не счесть. Он спел лишь одну песню, и все прочие опустили инструменты, признав поражение. Либо струны их арф разом лопнули – все до единой. Либо Кеннел пел и играл сорок дней и сорок ночей, одолевая соперников одного за другим, неизменно утирая им нос и отправляя собирать пожитки. Подробности зависели от того, какую балладу слушать. Ныне он постарел, но не утратил бодрости и сил, синева его глаз могла бы поспорить яркостью с его длинной ярко-голубой мантией, а короткие, цвета слоновой кости волосы оставались жесткими, как пружины, и начинали курчавиться, стоило ему забыть постричься.

– Благодарю вас за то, что пришли, – с теплой улыбкой сказал он.

Он тоже принес с собой арфу – инструмент, легендарный сам по себе. Считалось, что неограниченные самоцветы, украшавшие ее раму и резонатор, упали с арфы самого Деклана в миг его смерти. Затем они разбрелись по всему королевству в карманах воров и коронах королей, и пережили множество необычайных приключений, пока волею случая или сказаний не обрели приют на арфе Кеннела.

– Для меня это высокая честь, – ответила Зоя, усаживаясь на скамью рядом с ним.

В этой комнате музыканты ожидали своего выхода к публике или настраивали инструменты. Казалось, струны вынутой из чехла арфы тихонько дрожат, откликаясь на эхо множества нот, копившихся здесь сотни лет.

– Да, – с готовностью согласился старый бард, – так и есть. Но ваш талант так чудесен и редок, что я сделаю все возможное, дабы вновь услышать ваш изумительный голос. У вас уже есть мысли о том, что вы хотели бы спеть для герцога?

– Думаю, что-нибудь о Гризхолде. Но что именно...

Зоя покачала головой, догадываясь, что выбор уже сделан за нее.

– Да, – сказал Кеннел. – Да-да, безусловно, о Гризхолде, – он ненадолго умолк в приторных колебаниях. – Вот я думаю: не приходило ли это и вам на ум само собой? «Поединок соколов». Два жениха, два соперника в борьбе за руку и сердце герцогской... э-э... правда,

баллада именует его королем, как оно и было в те времена... словом, за руку и сердце дочери короля Гризхолда. Вы знаете эту балладу?

– Конечно. За право ухаживать за ней они устроили состязание соколов. Чей сокол первым вернется с добычей, тому и достанется принцесса. Чудесная песня. Кружится, вьется, будто те самые соколы в небе, кричащие о том, чего не видят с земли их хозяева – о том, что там, вдалеке, принцесса стремительно скачет прочь, бежит из замка со своим настоящим возлюбленным, – коснувшись струн арфы, Зоя с сомнением добавила: – Но вы не думаете, что эта баллада может оскорбить герцога? Учитывая, что возлюбленный принцессы дает ее отцу крайне резкую отповедь, когда тот настигает беглецов, чтобы вернуть дочь назад...

– Оскорбиться такой безделкой? Это же пустяк, чистая фантазия, а ваш голос превратит ее в настоящее чудо, в сверкающую драгоценность из гризхолдского прошлого, – Кеннел вновь сделал паузу. – Конечно, остается еще вопрос различных концовок. Какой вариант вы предпочтете?

– Мой любимый, – ответила Зоя в лад его замыслу, – тот, где соколы, в кои-то веки вспомнив о том, что язык птиц есть язык любви, летят в противоположную сторону и сбивают злокозненных знатных женихов со следа влюбленных.

– Да, – радостно воскликнул Кеннел, – это и моя любимая концовка!

– Хотя и долгие мрачные ноты той концовки, где женихи рубят избраннику принцессы голову, мне тоже очень и очень нравятся.

– О, нет. Только не это.

– Да. Слишком уж мрачно.

– Возможно, как-нибудь после. Хотя, – Кеннел понизил голос, будто опасаясь, что благородные гости услышат его, – я и сам так люблю эти ноты. Но подходящая для них okazия выпадает так редко...

Зоя улыбнулась и так же негромко ответила:

– Мы можем спеть ее вместе, сейчас. Зал пуст, а стражи никому не расскажут.

Настроив арфы, они заиграли и запели эту балладу, сложенную сотни лет назад песнь с несчастливым концом, скорее всего, приближенным к правде жизни настолько, насколько это вообще в силах барда.

Не успели они приблизиться к сему печальному концу, как вдруг парадный зал откликнулся зловещим контрапунктом – голосами, смехом, восклицаниями, великим множеством шагов, частью замедлившихся, частью простучавших частую дробь по целой паутине направлений. Все это, смешиваясь воедино, звучало громче и громче. Раздосадованный и озадаченный, Кеннел опустил ладони на струны, подавая знак замолчать. Жалея о неспетой концовке, Зоя неохотно опустила арфу, последовала за Кеннелом на галерею, и оба взглянули вниз сквозь резную дубовую балюстраду.

– Рановато он, – удивленно пробормотал Кеннел себе под нос.

Огромного роста человек – лысый, в парче и черной коже, целовал королеву, в голосе которой также звучало немалое удивление. Через зал к королеве спешили придворные, навстречу им, к выходам, бежали пажы, торопясь созвать остальных, супруга и свита герцога собрались за его спиной, а сопровождавшие их лакеи тихонько отступили назад и выскользнули наружу, чтоб позаботиться о багаже. Перегнувшись через перила, Зоя наблюдала за колоритной толпой. Спеша приветствовать дядю, из боковых дверей к герцогу устремились дети короля. Общая какофония достигла оживленного крещендо, и тут Зоя заметила в сутолоке лицо, обращенное к ней.

Рослый, плечистый, своенравный юноша с темными глазами и длинными черными волосами, блестящими, будто лошадиная грива, запрокинув голову, оглядывал галерею. «Он слышал нас, – с изумлением подумала Зоя. – Столько шума вокруг, а он высматривает музыкантов, прячущихся на галерее!»

– Кто... – начала она, но тут же осеклась. Конечно же, она поняла, кто это, еще до того, как заметила его арфу.

Бард герцога улыбнулся ей, как будто сумел расслышать в общем гвалте даже этот обрывок вопроса. Пальцы Зои невольно дрогнули, чуть крепче стиснув дерево перил, и она внесла поправку в свое первое впечатление:

– Кто этот кэльпи?³

Услышав сухой смешок Кеннела, она поняла, что произнесла это вслух. Судя по вспышке в полных глазах и внезапному блеску белых зубов, услышал ее и кэльпи.

³ *Кэльпи* (кельпи, келпи) – в шотландской мифологии водяной дух, оборотень, способный превращаться в животных (чаще всего, в вороного коня) и в человека – как правило, в молодого мужчину со всклокоченными волосами.

Глава шестая

Ни история, ни поэзия не дают нам удовлетворительных объяснений, отчего Найрн решил остаться в школе Деклана. Неожиданное решение, даже если оставить в стороне неоднозначность его чувств к Деклану, с великим энтузиазмом исследуемую в балладах, но крайне редко подтверждаемую документами. Скорее всего, в школе Найрн не учился никогда в жизни. Во всех Приграничьях насчитывалось лишь несколько школ, и вряд ли хоть одну из них мог бы заинтересовать сын бедного крестьянина-арендатора. Найрн был рожден для странствий, ремеслу учился в пути, и, хоть и успел до прихода на равнину Стирл исходить немало дорог, его еще вполне мог манить к себе весь огромный Бельден – новые инструменты, которые ему предстояло отыскать и освоить, множество музыки, песен дворцов и трактиров, которых он еще не слышал.

И все же он остановился и остался здесь, на равнине Стирл.

Как учитель или как ученик? Однозначного ответа не дает никто. Баллады склонны акцентировать внимание на отношениях Найрна с Декланом, сама же школа служит лишь фоном, декорацией для их состязаний, их раздоров, их дружбы. Они – рабы капризов изменчивой сказки: правдой становится то, что способствует замыслу рассказчика. Барды вызывают друг друга на продолжительные игры в загадки, влюбляются в одну и ту же девушку (по-видимому, невзирая на разницу в возрасте), Найрн мстит Деклану за верность королю, завоевавшему Приграничья... Есть ли во всем этом хоть доля истины, об этом история умалчивает. Наиболее связные и непротиворечивые документальные сведения о жизни Найрна в этот период представлены в счетных книгах школьного эконома.

На протяжении неполного года, о коем идет речь, первый школьный эконом вел записи ежедневно, начиная с весны, предшествовавшей появлению в школе Найрна. Возможно, делая эти записи, он наблюдал из окна своего кабинета в верхнем этаже башни, как у ее подножия день ото дня растет здание, уже к концу лета завершенное и практически в неизменном виде сохранившееся до наших времен.

«Сего дня уплачено из школьных средств Хьюну Флауту, сапожнику, за шесть пар сандалий для различных учеников и мэтров, а также за латки на сапоги Найрна».

«Сего дня уплачено из школьных средств Литу Хольму за свинью, выбранную Найрном на племя».

«Сего дня принята в пользу школы от Хана Спеллера, торговца тканями, плата за стол и кров для него самого, его дочери и его слуги, за место в конюшне и корм для его лошадей, а также за фаянсовый тазик для умывания (один), разбитый вышеозначенной дочерью о дверь, закрытую за собою Найрном».

И так далее, и так далее. Все эти прозаические записи, крайне редко содержащие в себе ссылки хотя бы на отголоски захватывающих баллад, подписаны: «руку к сему приложил Дауэр Рен, эконом».

*След лисовина оставляю за собою,
И на крылах совы несусь в ночи,
Я – это ключ, ключ к сердцу самоцвета,
Поющей арфы потаенный дух.
Кто я?*

*Неизвестный автор.
Из «Загадок Деклана и Найрна»*

*Власы ее – что пена волн, гонимых ветром,
А очи – зелень древней пушицы леса,
Как снег белы, персты свирель ласкают,
Неистов, сладок арфы глас в ее руках.
Любовью к деве равно воспылали
Младой и старый барды, два великих,
Придя к ней, отворить уста просили,
Сказать кто больше люб ей из двоих.
«Сыграйте, – был ответ. – Рассудит сердце,
Кто любит истинно, кто любит лишь любовь».*

*Г-жа Уэльтерстоун.
Из «Принцессы Эстмерской».*

Он ушел бы из школы Деклана, не оглядываясь и даже не доев жаркого, если б не этот неожиданный удар молнии – если бы не дочь лорда Десте. Тысячу тысяч раз он играл и пел былины и баллады о любви, но так ни разу и не испытал ее. Теперь же, чем дольше он оставался здесь, тем яснее осознавал: ведь это – все равно что петь об огне, ни разу не почувствовав его чуда, его тепла, его жжения, его абсолютной необходимости. Странствуя по миру, он сыпал этим словом свободно, будто мелкими приятными гостинцами, разбрасывался им направо и налево, словно луговыми цветами, которые не стоят ничего и будут забыты еще до того, как увянут. И уж тем более никогда прежде не восставал против своего полного невежества на сей счет.

Насчет его невежества склонен был разглагольствовать и Деклан, хотя в те минуты, когда Найрн удостаивал его вниманием, ему казалось, что старый бард сетует на что-то совершенно иное. Но чаще всего он просто пропускал сетования Деклана мимо ушей. Он делал все, о чем просили – таскал камни, тесал бревна для опор и стропил, делился с другими учениками песнями Приграничий, запоминал их песни, учился читать, не задумываясь ни о чем, кроме длинных пальцев и зеленых глаз красавицы на кухне. Зачем Деклану учить его грамоте? Этого он не мог понять никак. Память его была бездонна и безупречна. Если слова уже у него в голове, зачем утруждаться – учиться записывать их? Однако он делал, что велено, только ради возможности два или три раза в день оказаться рядом с Оделет, получить из ее рук миску, кружку, и унести память о выражении ее лица, о негромком и мелодичном (что бы она ни говорила) голосе с собой, чтоб вспоминать о ней весь остаток дня, полного бессмысленных хлопот.

Деклан сумел завладеть его вниманием лишь раз, велел никому не показывать то, что он пишет, и ни с кем об этом не говорить. Это требование показалось Найрну подозрительным – ведь записи на то и нужны, чтобы их видели и читали другие. Найрн размышлял над этим требованием так и сяк, но, с какой стороны ни взгляни, так и не сумел понять его смысла. Наконец он решил спросить об этом самого Деклана.

– Ты слишком, слишком стар, чтобы учиться читать и писать, – охотно ответил тот. – Но научиться нужно, посему учись быстрее, да не болтай. Не будешь болтать – не вызовешь и насмешек тех, кто тебе безразличен. Я попросил освоить грамоту и нескольких других, – добавил он. – И они тоже будут держать это в секрете, как я велел.

Казалось, грамотой овладеть легче легкого. Несколько прямых, похожих на палочки чернильных штрихов, повернутых так-то и так-то, составляли слово, означавшее «рубашка», или «яйцо», или «глаз» – смотря по начертанию. Деклан объяснил, что у них есть и другие значения, но не сказал, какие. Сказал лишь, что в простейшем из значений и заключается сила слова.

Это Найрн понял прекрасно: странную кипучую сумятицу простейших, самых обычных слов он познавал каждый день.

Вот, например, «сердце». Чувствуя его ритм, Найрн и раньше мог смутно представить себе местоположение сердца в груди. Теперь же он – впервые в жизни – волей-неволей узнал, отчего в стихах и песнях с этим исправно стучащим в груди органом связано так много чувств и абстракций. Оказалось, сердце живет само по себе – собственной, совершенно необычной жизнью, проявляющейся множеством странных способов. При виде Оделет, перебирающей изящными пальцами зеленую листву в поисках стручков гороха на кухонном огороде, его бие-ние усиливалось так, что едва не причиняло боль. При виде Оделет, грациозно склонившей изящную шею, чтоб проскользнуть под притолокой на выходе из курятника с корзиной яиц, сердце вдруг начинало гнать кровь по жилам изо всех сил, с безмолвным грохотом далекой грозы. Рядом с ней Найрн чувствовал сухость в горле, у него потели ладони, ступни вырастали до невероятной величины. Ее имя он шептал всем, кто согласен был слушать – солнцу, луне, султанчикам морковной ботвы в огороде. И вот, однажды утром, за тайными занятиями письмом, он ощутил неодолимое желание увидеть ее имя стекающим с кончика пера. Но ни одно из слов, узанных от Деклана, не подходило – даже отдаленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.